АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ
ВСЕМ
ПОРОВНУ

Александр Николаевич Громов
Всем поровну (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=326162
Всем поровну: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42607-2

Аннотация

Могучий и до боли непонятный Космический Монстр совершает посадку на территории России… Искатель сокровищ бесстрашно преодолевает смертельные ловушки в «пещере Али-Бабы»… Эллин Агафокл участвует в морском гладиаторском сражении… Московский бомж получает необычный подарок свыше… Каждое из произведений этого сборника – это история выбора, сделанного одним человеком или всем человечеством. Очень хочется стремиться к лучшему, выбирая для этого легкие и необременительные пути. Очень хочется простых решений. Каждый мечтает о сказке, перекочевавшей в быль, да еще с таким сценарием, чтобы не нужно было ничего решать. А ведь и правда: иногда лучший выбор – отказ от выбора. Но не превратятся ли наши далекие потомки в счастливых обитателей Космического Монстра?

Содержание

Всем поровну 4
Глава 1 4
Глава 2 18
Глава 3 35
Быть проще 44
Счастливая звезда Агафокла-младшего 65
Шаг влево, шаг вправо 90
Пролог 92
Федор Федорович 92
Дмитрий Каспийцев по прозвищу Байт 101
Часть I 115
Глава 1 115
Глава 2 146
Конец ознакомительного фрагмента. 151

Александр Громов
Всем поровну (сборник)

Всем поровну

Глава 1

Эх, бабье лето, бабье лето… Кому оно бабье, а у кого под боком не имеется ни бабы, ни теплотрассы, тот насчет лета шутки шутить не станет. Мерзни, мерзни, волчий хвост. И тащись, как хвост, без свободы воли, послушно обстоятельствам. Стучи осколками зубов. Вечером еще так-сяк, зато под утро стылый воздух тянет из тебя тепло, как палач жилы, упорно и, кажется, даже с наслаждением. Жухлая трава и та поседела от ужаса: зима на носу. Нет спасения. Сопревшая на теле кофта с одной пуговицей да дырявый плащ – вот и вся защита.

Выспаться сегодня не удалось. Бетонная плита над протянутым к знакомой хрущевке отводом от теплотрассы, уже несколько месяцев сдвинутая в сторону и открывавшая лаз в блаженное тепло, оказалась уложенной на место и даже приваренной за арматурные ушки. Добились-таки своего нижние жильцы… Сколько раз гнали из-под окон, орали визгли-

во, травили доберманом, обливали водой, вызывали ментов, и все это были мелкие житейские неурядицы. Конечно, рано или поздно должна была случиться неурядица покрупнее…

Он не огорчился – он принял к сведению. Запасные варианты были хуже, что не замедлило проявиться на практике. «Встань и иди» – так было среди ночи сказано ему, разнежившемуся в теплом подъезде на подстилке из позаимствованных половичков. Бородач-полуночник с воспаленными от компьютера глазами вышел на площадку покурить и пинком объявил побудку. Бить не стал – побрезговал, зато не успокоился, покуда не выставил вон. Ни в коей мере не будучи Христом, Егор Суковатов не мог ответить ему: «Иди и ты», да он и не знал легенду об Агасфере.

Страдало тело, но не душа. Душа у Егора давно очерствела, иссохла и отвалилась за ненадобностью, души у него не было, а чего нет, то не способно беспокоить болью. Вот мысли – те да, шевелились. Согреться бы где-нибудь. Дождаться утра.

Дальше утра Егор не заглядывал – с рассветом ужас мироздания слабел и прятался. В девять, а то и раньше откроется приемный пункт на Мастеровой. Пивная бутылка – восемьдесят копеек. На Перовской за темную бутылку дают целый рупь, зато светлые не берут совсем. И приемщик там гад: щупает горлышки пальцами и чуть что – бракует. Зато прием цветмета там же, неподалеку. Десять копеек за жестяную банку, сплющенную ногой в блин. Основная добыча, конеч-

но, бутылки, а банки – приварок.

Участок, где Егор чувствовал себя относительно вольготно, был невелик. Тащиться греться в переходе у метро – и далеко, и чужие владения. Могут накостылять. Не тот возраст, чтобы самому бить и гнать конкурентов. Лучше уж не суйся, человеческий огрызок…

Если бы Егору Суковатову сказали, что ему еще только сорок восемь, он лишь бессмысленно поморгал бы в ответ. Он не знал, много это или мало – сорок восемь. Он забыл это как ненужное. Когда не идешь, а шаркаешь, когда тупая ноющая боль прописалась в нутре навсегда и к ней в гости все чаще заходит боль острая, нестерпимая, от которой кричал бы криком, если бы не разучился кричать, – вот это старость и есть. И даже эти сведения Егор помнил смутно, начиная уже забывать. Жив – и ладно. А пока ночь и под разбитыми ботами хрустит ледок, иди ищи тепло. Шаркай ногами.

Зачем? А зачем растет дерево? Для чего жужжит муха? С какой возвышенной целью колония бактерий пожирает агар-агар? Жизнь требует: живи, вот и все. Ползи к теплу.

Вот и ползешь.

Запертый подъезд. Следующий – тоже заперт. И третий, и четвертый… Егор передвигался от подъезда к подъезду, от дома к дому. Проверял и подвалы. Найдя дверную ручку – тянул. Он твердо знал, что рано или поздно найдет дверь со сломанным или просто незапертым кодовым замком, а домофонов и уж тем более консьержек на Мастеровой улице

отродясь не водилось. В районе пролетариев всегда полно малолетней шпаны; не может быть, чтобы хоть один замок не был выворочен… Это было даже не мыслью – смутным ощущением. Инстинкт приказывал: ищи. И Егор искал.

Некому рассказать, сколько прошло времени, прежде чем он, временами останавливаясь, чтобы переждать резь в кишках, переместился от одного конца короткой улицы до другого по правой стороне, а затем вернулся по левой, нигде не найдя отпертой двери. Инстинкт соврал. Вероятно, во всех близлежащих подъездах недавно поставили новые замки, до которых еще не добрались местные гопники, но этот вывод был непосильно сложен для Егора. Полуатрофированный мозг отметил одно: заперто. Холод донимал уже совершенно садистски. Проклятая ночь и не думала кончаться. Мертво, негреюще светили озябшие фонари на торчащих глаголях. Приморожeнные к небу звезды в ужасе глядели на стекленеющий внизу мир. Ни кошек, ни собак – все попрятались. Лишь слева от Егора за бетонным забором грохотал и лязгал железнодорожный узел, там катились с горки вагоны да временами кричал что-то по громкой связи сердитый женский голос. Звали тетку Клавкой, и была она толстая и рыжая, с жирно накрашенными губами. Егор никогда ее не видел, но иной она просто не могла быть.

Главное, тепла там не водилось и водиться не могло. Справа светились огни автозаправки. Тепла там было в избытке, но кто же пустит ночевать бомжа? Если где-то и сохранились

толстовцы, то на заправках они не работают, это точно…

Все же Егор свернул направо. Быть может, потому, что ближайшая станция метро находилась в той же стороне, а скорее всего потому, что так велел инстинкт. До метро Егор вряд ли добрел бы.

И инстинкт не подвел. Инстинкт вывел на захламленный пустырь, где под ноги немедленно подвернулась старая автопокрышка. Егор едва сохранил равновесие и тут же споткнулся о еще одну. Ба, да тут была настоящая свалка разнокалиберных покрышек и рваных, негодных камер! Топливо! Жизнь!

Мыслей не было уже совершенно – тело работало, как дурно смазанный, разладившийся, но все-таки еще не до конца сломанный автомат. Прежде всего надо было найти относительно сухую растопку, что Егор и сделал, доковыляв до мусорного бака. Подобранная вчера на асфальте дрянная зажигалка, наполовину еще полная, никак не желала давать язычок огня. Подышал, согрел в ладонях, ссадил о колесико кожу на заскорузлом пальце – зажглась! Нехотя занялся клок оберточной бумаги, от него дала огонь и вонь камера тонкой резины – от «Оки», наверное. Еще несколько минут томительного ожидания – и языки пламени побежали по покрышке.

Егор блаженствовал. Усевшись на другую покрышку, он грелся, ничуть не замечая смрадной копоти, и выражал удовольствие стонами и ворчанием. Жизнь начинала удаваться.

Если бы подлый враг, сидящий в животе, не резал кишки изнутри, было бы совсем замечательно.

Никто не гнал Егора, да и кто мог бы согнать? Милицейский патруль? По своей инициативе? Ха-ха. Станет он пачкаться о бомжа, с которого нечего взять. Притом бомж никому не мешает: жжет резину на свалке, где ему, собственно, и место, а вокруг пустыря никаких жилых домов, одни унылые заборы, которым все равно, коптят их или нет. Сиди, млей в тепле, моргай на огонь.

Как все счастливцы, Егор не наблюдал часов. Когда небо на востоке начало понемногу бледнеть – от холода, наверное, – покрышка уже догорала, рдея багряным мотком обнажившегося корда. Пожалуй, можно было посидеть в неподвижности еще немного, прежде чем с неизбежностью подняться и доволочь до костра новый резиновый бублик…

Тут-то все и произошло. Совершенно неожиданно и без видимой причины.

Неожиданности Егор инстинктивно делил на два вида: идущие на пользу и идущие во вред. Вторых всегда было больше, но случались и первые: раньше конкурентов обнаружить батарею пустых бутылок возле парковой скамеечки, найти на свалке почти целый пиджак, скоротать в тепле морозную ночь. Если кишки несколько часов подряд не сводит судорогой – это тоже приятная неожиданность. А неожиданности, так сказать, нейтральные, ни в плюс и ни в минус, лучше всего вообще не замечать, не стоят они того.

В первую минуту неожиданность показалась неприятной, даже опасной, во вторую – нейтральной. Что-то внезапно хлопнуло над головой, как хлопает разбившаяся лампочка, резко, но несильно. Тем не менее Егор отреагировал – склонился набок и, искосырившись, глянул вверх.

Бледно-лиловое кудрявое облачко, чуть заметно светящееся внутренним светом, нависало над головой, вспухая и разрастаясь, как обыкновенный клуб дыма. Вроде безопасно… То ли петарда хлопнула, то ли это фейерверк такой… Егор с усилием покрутился вправо-влево, обозрел панораму. Никого не наблюдалось ни на пустыре, ни возле. Ни души. А значит, явление, по-видимому, относилось к безопасным…

Он остался на месте. Очень скоро лиловатое облачко, распухая и быстро теряя яркость, достигло его носа. Ничем особенным оно не пахло, во всяком случае с такой силой, чтобы перебить вонь горелой резины и собственный запах Егора. У него лишь защекотало в носу, он чихнул и надолго скорчился от нутряной боли.

Боль грызла зло, как всегда, и долго не хотела отпускать. Разгорался рассвет, догорал костер. Отмаявшись, Егор пробурчал под нос что-то невразумительное, разогнулся, насколько мог, хотел было привстать, да так и остался сидячим истуканом: рот полуоткрыт, голова набок, в гноящихся глазах – испуг и недоумение. Недоверчиво прислушался к новым ощущениям.

Внутри его что-то происходило.

Впоследствии было много споров о количестве «точек проникновения», «проколов метрики», «координат впрыска» и как там это еще называлось. Обилие выдуманных терминов все же не шло в сравнение с числом самих точек: от тысяч до десятков тысяч, по мнению большинства исследователей. Распределились они (не исследователи, а «проколы») по земной поверхности вполне хаотически, и надо думать, что подавляющая их часть пропала без толку над Мировым океаном, однако и на сушу хватило с избытком. Достоверно известно, что на территории Москвы возникла всего одна «точка проникновения», в Питере их не оказалось вовсе, тогда как жители населенного пункта Пошехонье-Володарск обрели аж две. Само собой, жители брегов Невы острили о пошехонцах и особенно о москвичах, что-де «им нужнее», а в общем пытались прикрыть остротами обыкновенную зависть.

И зря. Никакой почвы для зависти не имелось. Всем и каждому, начиная от нобелевского лауреата и кончая слабоумным дауном из Восточной Африки, почем зря позорящим славное племя хуту, досталось сколько нужно, а лишнее не пошло впрок, выдыхаясь вместе с углекислотой, вычихиваясь и распространяясь традиционным для инфекций воздушно-капельным путем. С той, однако, разницей, что, в отличие от бацилл, частицы таинственного тумана вовсе не собирались гибнуть вне организма и охотно разносились вет-

ром, вовсе не теряя своих свойств. Прошли считаные дни, а для самых невезучих недели – и всем досталось поровну.

Даром.

Никто не ушел обиженным, да и уйти, по правде говоря, было некуда, разве что заживо похоронить себя в подземном убежище с очищенным через молекулярный фильтр воздухом. Впрочем, противников принципа «дают – бери» оказалось немного, а тех, кто располагал при этом подземным бункером, и того меньше. Разумеется, кое-кто из надышавшихся полагал себя обделенным уже вследствие того, что получил ровно столько же, сколько и другие, однако не будем говорить о рвачах, не стоят они того.

По Электродной улице, прямой и серой, как сварочный электрод, Егор двигался в сторону метро. В рваной кошелке, служившей прежде временным хранилищем найденной стеклопосуды, помещались извлеченные из какого-то по счету мусорного бака ветхие брюки, потерявшая первоначальный цвет футболка и почти приличный пиджак, разве что не в цвет брюк и с прорехой под мышкой. Пяток обнаруженных попутно бутылок Егор прикопал пока в куче прелых листьев – подождут. У него было дело, не терпящее отлагательств.

Каменный срам статуй принято прикрывать фиговым листом – серая промзона попыталась отгородиться от более приятных на вид благ цивилизации овальным прудом, выкопанным невесть когда и зачем. Одна полудуга овала едва не упиралась в каменную нору метрополитена; другая, утонув-

шая в зелени кустов и корявых деревьев, исстари служила местом распития недорогих напитков и бесплатным туалетом. Туда и ковылял Егор, оставив на время мысль о тепле подземных хором. Ему и без того было жарко.

Жарко… и противно. Он никак не ожидал этого от себя. Пришлось спешить. Путь, на который здоровый мужчина потратил бы от силы пятнадцать минут, был пройден Егором за каких-нибудь полчаса. Еще вчера он вряд ли доковылял бы и за час…

Оставив слева забор, а справа рассвет, он углубился в заросли и скоро вышел к пруду. Здесь, скрежеща от омерзения осколками зубов, он принялся раздеваться. Дырявый полусгнивший плащ полетел в кучу мусора. Туда же отправились бабья кофта с безжалостно оборванной последней пуговицей и вонючие штаны. Сбросив несусветные боты – их тоже надо было заменить, но пока не попалось ничего подходящего, – голый Егор сел на криогенный парапет и, собравшись с духом, бочком сполз в черную обжигающую воду.

Скрутило. Стеснило дыхание. Он решил, что сию секунду умрет, но не умер, а вынырнул и забарахтался у самого берега, баламутя прибитый к парапету мусор. Вода пахла мазутом и гниющей ряской, то есть не пахла ничем особенным, и Егор принялся яростно скрести тело черными ногтями, смывая присохшую, впитавшуюся в кожу скверну. Никто не мог ему помешать в этот час и в этом месте. Он выбрался на берег не раньше, чем начал стучать зубами, и воздух показался

ему жарким, как в бане. Чудеса: он сам осознал это сравнение. Он вспомнил, что такое баня!

Голый человек дико выплясывал на берегу городского пруда и смеялся. С многолетней отвычки смех его больше походил на надрывный кашель, но то был смех чистой радости. Егор смеялся для себя, а не для других, и вряд ли кто мог его услышать. Сегодня он родился во второй раз, осознал это и вовсе не собирался плакать, как при первом рождении. К чему повторять пройденное? Чтобы показать, что ничему не научился за прожитые годы?

А кроме того, ему вовсе не хотелось впадать в уныние. Хотелось начать действовать, и как можно скорее. Еще не успев просунуть ноги в новообретенные штаны, Егор определил для себя круг первоочередных задач и выделил среди них те, к решению которых надо было приступить уже сегодня. Точнее – прямо сейчас.

Тут же, без всякого перерыва, он вспомнил свое имя. Егор. Вообще-то Георгий… э-э… Степанович. Гоша. Жора. Если угодно, даже Жорж, хотя никто никогда его так не называл, даже в школе не дразнили Гогочкой и Жоржиком… Какой он Жоржик! Гиббоном – да, дразнили. Гамадрилом тоже…

Имя Жора ассоциативно напомнило о еде, рот моментально наполнился слюной. Егор сглотнул. Потом, потом… Есть дела более важные…

Экспресс-поиск близ входа в метро и по окружности пру-

да принес еще шесть бутылок. На улице Плеханова Егор выудил из урны седьмую. Наличного капитала, считая и ту стеклотару, что была прикопана в куче листьев, уже хватало на то, чтобы перекантоваться полдня, но средств требовалось куда больше. Не беда: до открытия приемного пункта оставалась еще бездна времени – драгоценного «ни свет ни заря», когда конкуренция слаба и есть смысл расширить поиски…

Давно уже взошло и пригрело солнце, когда Иван Неподоба, мрачный и трезвый приемщик стеклопосуды, открыл свой пункт на Мастеровой. С утра несли вяло и по преимуществу старухи, дрожавшие над каждой копейкой и неизменно уносившие с собой отвергнутые бутылки. Скаредная природа старух оставляла мало возможностей для обмана. Вот-вот должны были начать подтягиваться дребезжащей рысцой испитые и нетерпеливые источники настоящего дохода, они же носители широкой русской души, – те, кто вчера хорошо принял и не припрятал ничего на опохмел. Местные бомжи, известные Ивану наперечет, появлялись со стеклянным уловом без всякой системы, но чаще ближе к пяти, когда пункт закрывался. Чтобы утром – редко.

Вот почему Иван был удивлен и даже слегка озадачен при виде знакомого бомжика-доходяги, которому, по мнению Ивана, осталось ползать по свету недели полторы, да и того много.

Во-первых, бомжик притащил разом двадцать две бутылки и отнюдь не выглядел помирающим от натуги. Во-вторых, он был одет непривычно и, пожалуй, излишне легко. Куда-то делись его несусветные обноски, распространявшие столь редкостное благоухание, что даже уличные собаки избегали брехать на эту помесь клозета со скотомогильником. Если бы не замызганная вязаная шапочка да не свисающие из-под нее на манер сосулек сальные патлы, пожалуй, Иван и не узнал бы бомжа. Надо же – пиджак!..

Пивную тару Иван принял без разговоров. Две винные посудины – отверг:

– Не возьму.

Против всех ожиданий, бомж не оставил бутылки на поживу Ивану и не ахнул их об асфальт, а деловито прибрал в кошелку.

– Твое дело. На Перовской сдам, тут рядом.

Иван только пожал плечами. Он собрался было матюкнуться на бомжа, чтобы тот улетучивался поживее, как вдруг бомж вновь привел в движение руины речевого аппарата и сказал довольно сипло, но настолько внятно, что ошибиться было невозможно:

– Слышь… Где тут можно купить зубную щетку… подешевле?

Рот Ивана несколько раз открылся и закрылся сам собой, не произведя ни звука. Рука зачем-то ощупала набитый бутылками ящик. Быть может, мироздание еще не рушилось,

но уже явно начало шататься. Оставалась гипотеза о слуховых галлюцинациях.

А заодно о зрительных и обонятельных.

Наклонившись вперед, Иван втянул ноздрями воздух, заранее изготовившись немедленно гасить рвотный позыв. Ничем особенным от бомжа не пахло. Разве что затхлостью и почему-то прудовой тиной…

Иван что-то пробормотал в ответ. Затем вдохнул еще раз и в большом изумлении ощупал себя от шеи до выпуклого животика. Вытаращил глаза. Уронил челюсть и забыл подобрать, поглощенный чем-то важным и крайне необычным.

Внутри его что-то происходило.

Глава 2

Всякому известно: идиотов на свете куда больше, чем необходимо. Данный тезис настолько банален, что можно сказать и так: «Любой идиот знает: идиотов на свете…» – ну и так далее. Так вот: настоящий идиот этого не знает. Он вообще ничего не знает, поскольку необучаем. Его коэффициент умственного развития не выше 0,20. Если выше, то такой слабоумный классифицируется медициной как олигофрен, а то и дебил – аристократ среди интеллектуально дефективных, не нуждающийся в постоянном уходе.

– Кажется, мы скоро останемся без работы, – невесело констатировал доктор Говард, главный врач Кливлендского приюта для слабоумных.

И сам же понял, что не высказал ничего оригинального. Примерно то же самое могли сказать тысячи, если не десятки тысяч его коллег по всему миру.

– Если так пойдет дальше…

Доктор Говард не договорил. Что будет, если так пойдет дальше, было прекрасно известно всему персоналу. Урежут ассигнования. Придется сокращать штат. А если процесс не остановится, то… страшно подумать.

Психиатрические клиники, имеющие дело с иным контингентом, почти не пострадали. Иное дело приюты для слабоумных. Тихие дебилы, способные к несложной рабо-

те под наблюдением, казалось, издевались над персоналом. Почти все прекратили бессмысленно улыбаться. Один, занятый стрижкой газона, сделал это столь художественно, что все ахнули. Другой умудрился произнести сложносочиненное предложение – и ни разу не сбился, подлец! Третий попросил подыскать ему иное занятие, желательно что-нибудь связанное с механикой. Четвертый, поймав доктора за пуговицу, прямо спросил, доколе он будет тут торчать и за кого его принимают, если держат за забором. Заодно он потребовал квалифицированной экспертизы, заявив, что готов для начала пройти тест на ай-кью. Черт побери, где он слов-то таких нахватался?!

С пациентами других отделений тоже творилось неладное. Многие подобрали слюни. Один малый весом в триста фунтов перестал ползать на карачках и после двухдневных попыток взгромоздился на свои тумбы. Двое идиотов осваивали членораздельную речь. Никто их не учил – учились сами.

Было от чего прийти в замешательство!

В конце концов доктор Говард принял половинчатое решение.

– Подождем пока, – сказал он. – Понаблюдаем одну-две недели. Все может случиться. Но если тенденция сохранится, боюсь, половину пациентов придется выписывать…

Он дернул щекой, что делал всегда, находясь в состоянии раздражения, и не без яда заметил:

– У кого сейчас работы выше головы, так это у всяких реабилитационных служб…

Это было правдой. Более того, об этом уже сообщалось по телевидению. Поэтому к яду доктора Говарда примешалась и нотка зависти.

Им-то не придется искать новую работу! А попробуй найди ее, когда тебе под пятьдесят…

Хотя – если подумать – не все так плохо. Вчера доктор сам втихомолку подверг себя тесту на IQ. Получился неожиданный результат: 144 вместо обычных 120–125. Просто удивительно. Если телевизионщики не врут…

Если они не врут и действительно всем досталось поровну, надо только не терять времени даром. Очень скоро желающих сменить профессию будет пруд пруди.

Телевизионщики врали не больше, чем обычно.

Даже меньше. Сенсация сенсации рознь: одну приходится натужно тянуть за уши – другая сама скачет на прыжок впереди охотников, только поспевай за ней. Гони в эфир свежие факты, а домыслы оставь редакционным аналитикам и ученым экспертам.

Домыслы, именуемые «гипотезами» и «предположениями», соперничали числом и скороспелостью с опятами на осенних пнях. Кое-кто с мрачным удовольствием предрекал конец света; кое-кто, наоборот, начало Золотого века.

Частицы странного тумана, взятые в десятках «точек про-

кола» и подвергнутые исследованию, оказались идентичными. Трудно было установить, кто первый ввел в обиход термин БНР – биологические нанороботы, или бионары. БНР не желали вступать в контакт ни с культурами бактерий, ни с колониями плесени, ни даже с тканями высших позвоночных, включая человекообразных обезьян. Их привлекали только ткани человека. Внедрившись в клетку, бионар растворялся в ней.

Два? Десять? Миллион? Хватало и одного нанобота. Вскоре клетка превращалась в фабрику для поточного производства БНР – совсем как при вирусной инфекции, но с двумя отличиями. Во-первых, организм и не пытался защититься от вторжения. Во-вторых, после заражения (или инициации?) всех клеток организма (или живого образца ткани) клетки немедленно «одумывались» и продолжали функционировать как ни в чем не бывало.

Даже лучше. Повсеместно отмечались улучшение состояния больных самыми разнообразными, в том числе неизлечимыми, хворобами, ускоренное заживление ран и сращивание переломов. Но не это было главное.

Главным было вот что: интеллект зараженных людей рос, как на дрожжах. Сколь бы ни был несовершенен тест на intelligence quotient, он позволил выявить следующее: IQ стремительно, чуть ли не взрывообразно рос в первые часы после заражения бионарами, затем увеличивался медленнее и спустя несколько суток стабилизировался на уровне два-

дцатью пятью – тридцатью единицами выше.

Человечеству помогли извне, это стало ясно в первые же дни. Вот только помогли – или «помогли»? «Поживем – увидим», – разводили руками приглашенные на телеэфир ученые мужи, с преувеличенным энтузиазмом кивая на программу «Геном человека», получившую второй старт. Целую неделю большой популярностью среди обывателей пользовалась гипотеза о троянском коне. Назовите-ка самую большую проблему, стоящую перед человечеством. Загрязнение среды? Опасность ядерного конфликта? Терроризм? Истощение природных ресурсов?.. Глупости. Если вы решили посмешить публику – идите в конферансье. Самая большая проблема человечества – это люди. Те самые люди, для блага которых загрязняется среда обитания, истощаются ресурсы планеты, совершенствуется оружие и внедряются новые идеологии. Все для людей. Остальное вторично.

Для ускоренной гибели человечества, вещали кассандры, не хватало только всеобщего поумнения. Интеллект еще не мудрость. Интеллект – это прежде всего новые потребности, и вот для их-то удовлетворения будут еще быстрее истощаться ресурсы, загрязняться среда обитания и прочее, и прочее…

С предсказуемым результатом.

Нормальный налогоплательщик относится к науке примерно как к тигру в непрочной клетке – и страшно, и хочется перепороть служителей зверинца, дабы приглядывали за

зверем добросовестно, и вместе с тем любопытно поглазеть. На обывателя, даже поумневшего, гипотеза о троянском коне действовала чрезвычайно.

Пессимисты среди оптимистов успокаивали: откуда, собственно, следует, что действие бионаров будет продолжаться вечно? С чего бы это неведомым инопланетянам, обитателям параллельных пространств или каким-нибудь еще отцам-благодетелям делать человечеству столь значительные подарки? Постоянный патронаж, забота о гармоничном развитии юной хулиганистой цивилизации? Ой, не верится… Относительно безопасный для объекта эксперимент, ферштейн? Вспыхнет фейерверк – и нет его. Если завтра, послезавтра или спустя год бионары перестанут действовать, все вернется на круги своя без заметных последствий. Троянская лошадь – чушь всмятку. Не видно причины. Истребить людей, освободив планету для своих нужд, можно гораздо проще. Сохранив, кстати, ее ресурсы.

Оптимисты среди оптимистов кричали иное. Неважно, что человечество получило подарок, о котором не просило. Дают – бери. Оскорбиться подачкой может только тот, чей убогий интеллект не сдвинуть с места никакими бионарами. Есть такие? Нет? Тем лучше. Приятно иметь дело с умными людьми. Да вы только представьте себе, какие перед человечеством открываются перспективы! Управляемый термояд – это первое и сиюминутное. Единая теория поля! Победа над болезнями! Настоящий, а не опереточный прорыв в

космос! Полет к альфе Центавра уже в этом столетии! Овладение антигравитацией! Постижение глубинных тайн мироздания! Расцвет наук и искусств! Заживление социальных язв, так как сказано: все лучшие человеческие качества суть функция развитого ума. Мир на Земле, поскольку умные люди всегда договорятся между собой…

Пока что умные люди наскакивали друг на друга в яростных спорах. Бежали дни, ползли недели. Публиковались результаты исследований бионаров. Было, однако, ясно, что до полного понимания их сущности гораздо дальше, чем до альфы Центавра.

Но стоит ли отказываться пускаться в путь из-за того, что путь долог?

К началу зимы вряд ли кто опознал бы прежнего Егора Суковатова в трудолюбивом дворнике, каждодневно скребущем асфальт большой лопатой на предмет увеличения сугробов вдоль пешеходных дорожек. Зима началась в ноябре и выдалась снежной. Егор без особого труда получил место муниципального работника низшего звена. В его ведении находился кусок уличного тротуара, двор и два дома со всеми их лестничными клетками, подъездами и мусоропроводами. Ему было доверено казенное имущество: лом, три лопаты и веерные грабли. Он гордо носил оранжевую спецовку. Начальство сперва смотрело косо, теперь понемногу начало оттаивать.

Претензии? Не больше, чем к другим, даже меньше. Егор показал себя образцовым дворником. Поначалу адски уставал, болела спина, дрожали руки и временами напоминала о себе боль во внутренностях. Привык. Да и боли стали совсем не те, что раньше. Терпимые.

Он и раньше терпел – куда денешься, – но терпел с тупой безнадежностью. Теперь появилась перспектива.

С лица Егора подолгу не сходила улыбка. Он был счастлив. Ему казалось, что он только сейчас родился. Прошлое было темно и ужасно, зато настоящее давало опору. Он стал полезным членом общества. У него появился свой законный дом – временная квартира в назначенной к сносу развалюхе, зато аж двухкомнатная. Из ржавого крана исправно текла вода, правда, только холодная. Чепуха. Можно нагреть. Пусть отключен газ, зато есть электричество, а предшественник оставил плитку и пару кастрюль. Что еще человеку надо?

Правильно: надежды на будущее.

Таковые у Егора имелись, одна радужнее другой. Потому-то он и улыбался, расчищая тротуар с монотонностью механизма. Физический труд на свежем воздухе ему нравился. Работа под мусоропроводом привлекала меньше, но ведь не все проявления жизни должны казаться медом, разве нет?

Прежде, с самого рождения, с медом было совсем туго. Ребенком Егор слыл самым тупым в классе, да, пожалуй, и в школе. Учителя со вздохом «рисовали» ему шаткие переводные тройки. Над ним не издевался только ленивый. Сон-

ный мозг и общая заторможенность чувств мешали юному Суковатову понять всю глубину издевок. Быть может, потому-то он и не стал впоследствии маньяком. Летаргический ум отмечал: обижают. Не любят. Никто не любит. Егор огорчался, и только. Ему не приходило в голову мстить.

После восьми классов он выучился на слесаря, сразу же был призван в стройбат, кое-как отслужил, вернулся и поступил на завод. Что было дальше, Егор помнил смутно и не желал вспоминать в подробностях.

Кажется, он пристрастился к выпивке. Прошло сколько-то лет, все равно сколько. Умерли родители. Рядом с Егором появилась сожительница… или жена? Наверное, все-таки жена, коли сумела прибрать квартиру к рукам, когда Егора посадили. За что сажали – забыл. Вроде не убивал никого. Наверное, не нашлось денег на портвейн, попросил у кого-то излишне настойчиво…

Нет, вспомнил! Случилось как раз наоборот. Это был единственный в своем роде звездный час в никчемной жизни прежнего Егора Суковатова. Надо полагать, с завода он уже ушел, потому что работал грузчиком в продмаге на Каланчевской. И однажды, выйдя на работу не в свою смену, занялся уборкой подсобки, сильно удивив заведующую, зато умудрившись вынести вместе с мусором три коробки коллекционного коньяка и пять бутылок старки в придачу. Не с целью наживы, совсем нет. Егор устроил праздник работягам двух кварталов. Начав с грузчиков своего и соседних магази-

нов, он к обеду споил благородным напитком рабочих близлежащей типографии, бригаду асфальтоукладчиков, старичка слесаря из «Металлоремонта» и неучтенное количество примкнувших граждан.

Пропажи бы еще долго не хватились – тревогу забил местный участковый, узревший бдительным оком, какую жидкость распивают знакомые наперечет пролетарии, и сильно тому удивившийся. Что обидно, сам Егор коньяка и не попробовал, скромно удовлетворившись старкой. Что ему коньяк! Народная любовь куда выше. Да еще чтобы не дразнили дебилом и огрызком…

Сначала в присутствии милиции его била заведующая – свирепая тетка, утверждавшая на страх грузчикам, будто в ней девяносто восемь килограммов. Враки! – она тянула на сто тридцать нетто и весь вес вкладывала в удар. Егор летал по подсобке, как пушинка внутри торнадо. Затем ему были предоставлены шесть часов на выплату стоимости уворованного, иначе…

Денег у жмотов-собутыльников, хотя бы и взаймы, категорически не нашлось. Равно и у супруги. Так что вышло «иначе».

Дали три года. Выйдя на волю, Егор остался без жены, без квартиры и без работы. Как давно это было? Не вспомнить, да и незачем. К чему ворошить прошлое? Настало время глядеть вперед.

В то утро, когда, греясь у горящей покрышки и подыхая

от рези в кишках, он вдохнул лилового дыма, началось пробуждение. Почему Егор вдруг решил, что надо жить иначе, он не умел объяснить. Решил – и все. А решив, начал действовать.

От вшей он избавился самым простым манером: сбрил начисто растительный покров на теле, тем самым лишив паразитов их угодий, привольных, как Шервудский лес. Бриться пришлось с помощью тупой одноразовки, извлеченной из мусорного контейнера, и холодной прудовой воды. Зато имелось мыло – большой кусок настоящего, пусть и наидешевейшего, хозяйственного мыла, купленный преобразившимся Егором в первый же день. Редкие брови и ресницы Егор пожалел брить и оставил, тем более что они отнюдь не являлись надежным партизанским убежищем для обнаглевших членистоногих. Карательная операция, произведенная пальцами и обломком мелкой расчески, не замедлила это подтвердить.

В приступе гордыни Егор решил было обойтись без всяких там центров реабилитации бездомных – и обошелся бы, кабы не документы. Для начала нужна была какая-никакая ксива. Пусть пока не паспорт. Пусть мало что значащая бумажка, но официальная и с фамилией. Та справка об освобождении давным-давно истлела неведомо где…

Пришлось и бегать, и ждать. Ждал Егор деятельно: улучшил гардероб, завел полезные знакомства с грузчиками и дворниками, прикупил кое-что из необходимых мелочей. На

данном этапе, как и прежде, основной доход приносила сдача стеклопосуды.

Потом повезло: взяли на работу, предупредив, правда, что берут лишь на зимний период, и на тот же срок выделили жилье. Егор очень быстро обзавелся старым пружинным матрацем, облезлой тумбочкой и допотопным торшером. На помойке временами появлялись и не такие богатства. Иной раз попадались книги, их Егор жадно тащил к себе. Часами валяясь под торшером, он читал все подряд: от лохматых школьных учебников до «Современного кубинского детектива», от стихов Агнии Барто до справочника по анодным трансформаторам, от подшивки журнала «Семья и школа» до книги с волнующим названием «Молодежь и трудовые ресурсы Туниса». Ничего не пропадало, все шло впрок, даже ресурсы Туниса, а изголодавшийся мозг требовал: еще! Еще! Как можно больше!

Когда глаза уставали, в дело вступал бывший трехпрограммный, а теперь однопрограммный громкоговоритель, извлеченный из мусорного бака и тщательнейшим образом отчищенный от липких объедков. Содержанием передач Егор частенько бывал недоволен. Ведущими – сугубо. Для кого это они так глупо выделываются? Для дурачков? Хм. Ну вот он, Егор, еще недавно был дурачком, пробы негде ставить, а разве он слушал какие-то передачи? Оно дурачку надо?

Потом наступало время работы, и Егор уходил бороться за

чистоту вверенного ему участка планеты. Он знал, что должен показать себя с наилучшей стороны. Может, возьмут не на сезон, а насовсем. За зиму не накопить средств для рывка на следующую ступень, да и без жилья – никак. О теплотрассе в качестве места ночлега теперь мерзко было и подумать.

Уважение к себе – это первое. Деньги – второе. Знания – третье. Да, еще о здоровье не забыть…

Зачем суетишься, человече? Чего хочешь достичь? О каких горних высях возмечтал? Стоят ли они того, чтобы карабкаться? И ждут ли тебя там?

Прежний Егор не ставил таких вопросов. Егор нынешний ставил – и отвечал положительно. Он был лежачим обомшелым камнем, который вдруг сдвинулся с места и покатился… все быстрее, быстрее! Егор не хотел останавливаться. Каким бы ни было будущее – оно манило. Егор скреб асфальт. Ему казалось, что он расчищает дорогу к сияющим вершинам. Нет, рано вы, люди, списали Егора Суковатова! Егор Суковатов еще себя покажет!

– Я теперь за собой как за малым ребенком ходить буду, – хвастался он Ивану, разливая по стаканам безалкогольное (иного теперь не употреблял) пиво. – Зубы вставлю. – Трогая языком гнилые пеньки во рту, он содрогался от омерзения и жаловался: – По части зубов у этих спонсоров инопланетных промашка вышла. Я поначалу как думал? Раз требуху вылечили, то и зубы поправят. Не-ет, не смогли. А может, не захотели. Ну, бог им судья. Сам сделаю. Вот заработаю

денег… Мне ж на жизнь разве много надо? Кусок хлеба, чистая простыня, книги – ну и все. Без телевизора обойдусь как-нибудь, а белье могу и сам постирать. А там, глядишь, и учиться пойду. В заочный техникум. У меня ж всего-навсего неполное среднее, это не дело…

Иван Неподоба хмыкал, но не возражал. Иван терзал воблу над расстеленной газеткой. Иван слушал нового Егора с той же охотой, с какой прежде зверел при его появлении. Иван что-то мотал на ус.

– А помнишь, как ты меня гонял? – спрашивал Егор, хитренько прищуриваясь.

– Так ты ж бутылку у меня хотел скрасть! – чуть конфузливо оправдывался Иван, припоминая инцидент. – А потом небось мне же и принес бы сдавать, что, нет?

– А как ты меня обижал – помнишь? – мстительно вопрошал Егор.

Иван Неподоба хрюкал и гудел басом:

– Ну обижал… Ты кто был, а? Ты себя со стороны видел? Такого как не обидеть? Надо.

– Допустим. А в рыло совать все равно не следовало. Неинтеллигентно.

Под грузом обвинений в неинтеллигентности, невоспитанности и некуртуазности Иван понуро вешал голову, но Егор был щедр и прошлые вины прощал.

– Так ты все еще приемщиком?.. – менял он тему.

Как будто сам не знал. Сдача посуды и сейчас еще прино-

сила Егору дополнительный доход.

– Угу.

– И не хочешь сменить работу?

– На кой?

– Ну как на кой?.. – Егор несколько терялся. – Нет, я понимаю: выгодно. Но не век же… Цель в жизни должна быть, нет? Вот я, например…

– То ты, а то я, – отрубал Иван.

Егор морщил лоб.

– Погоди… Ты хочешь сказать, что эти… тьфу, как их?.. бионары на тебя не подействовали?

– Почему не подействовали? Я теперь не гипертоник. А плоскостопие как было, так и осталось.

– И только-то? А мозги?

– При мне.

– Ну?

– При мне, говорю. Работают.

– Как раньше? – не верил Егор. – Всем ведь досталось поровну.

– Всем поровну, но каждому – свое, – изрекал Иван, поднимая вверх толстый палец. – Понимаешь?

– Не очень.

– Значит, тебе пока и не надо. После поймешь.

Дожевав воблу, он испарялся, а Егор долго чесал в затылке, пытаясь сообразить, чего это Иван мудрит и темнит. Не найдя ответа, съедал кусок хлеба с наидешевейшим зельцем

и принимался за самообразование. Вчерашний поиск в мусорном баке принес роскошный улов: «Историю древних цивилизаций» в изложении для абитуриентов. Кое-что было непонятно до мигрени. Как Исида зачала от мертвеца? Что свербило у Сета, из-за чего он стал нехорошим? С какого бодуна Гор скормил папаше Осирису свое вырванное Око? Во-первых, папаша уже давно был покойником, а во-вторых, тот еще деликатес.

Кое-что приводило в восторг. В особенности то место в начале книги, где говорилось о неолитической революции. Как раз перед приходом Ивана единственная неубитая программа громкоговорителя поведала Егору гипотезу. Впервые ли помогают земной цивилизации неизвестные покровители? Не является ли неолитическая революция (не говоря уже о самом возникновении человечества) прямым результатом воздействия бионаров в отдаленном прошлом? Не означает ли это, что таинственные покровители решили: человечеству пора подняться еще на одну ступень? Безусловно, оно должно подняться само, снабженное отнюдь не готовыми знаниями, а лишь инструментом для их приобретения…

– Вот ведь! – умилялся Егор.

Неолитическая революция представлялась ему в виде штурма дворцовой решетки толпой прогрессивных земледельцев, вооруженных шлифованными топорами и бронзовыми мотыгами. В картинку временами въезжал броневик,

плюющийся огнем из двух башенок; Егор гнал его прочь как явление несвоевременное. Погодите, пращуры, и до техники дело дойдет. С бионарами-то! Где уж древним ретроградам с их кое-как обтесанными рубилами и корявым дубьем противостоять натиску прогресса! Никаких шансов.

Какая революция предстоит на этот раз, Егор не знал. Хватало того, что будущее рисовалось в радужных красках. Иные люди невосприимчивы к повальному оптимизму – Егор был не из их числа. Оскорбляться инопланетной подачкой, как некоторые? Да подите вы!.. Гордецы! Обиделись: человечество, видите ли, оказалось подопытной букашкой под микроскопом. Да хоть бы и букашкой! Вам что, бионаров не хватило? Умный человек не станет обижаться на добавку ума, а скажет благодетелям спасибо, вот так-то…

Главное, чтобы добавка пошла впрок.

Глава 3

Кому до инопланетных подарков не было никакого дела, так это природе. В положенное время участились оттепели, побежали ручьи, зачирикала, чуя весну, птичья мелюзга. Самозабвенно пели коты. Сугробы съежились, обороняясь от солнца черной коркой. Егор ковырял их, разбрасывая по асфальту снег, чтобы поторопился таять и не маячил. Все шло путем.

– А, сосед! – приветствовал его Иван Неподоба. – Давно не виделись. Все трудишься?

– А ты?

– У меня день нормированный: принял, погрузил, закрылся. Теперь домой иду. Может, пузырь на двоих раздавим?

Егор подумал и покачал головой.

– Зря, – осудил Иван. – Слушай, теоретик, ты мне вот что скажи: как сейчас мусорят – больше или меньше, чем раньше?

– А почему должны меньше?

– Ну как? Интеллект-то повысился. Где раньше бросал не думая, теперь бросают с умом. А то и вовсе в урну. Нет?

– Не знаю, – вздохнул Егор. – Я ведь недавно…

– Не с чем сравнить?

– А тебе? Меньше посуды несут или больше?

– Я без работы не останусь, и не думай, – самодовольно

ухмыльнулся Иван. – Как несли, так и несут. Меньше-то с чего? С ума, что ли? Так ведь умного человека в России всегда тянет выпить. Не все же такие, как ты. «Во многой мудрости много печали», слыхал?

– Приходилось.

– Не осознал, значит. Ну пока, счастливчик.

Провожая его взглядом, Егор недоуменно пожал плечами. Счастливчик? Это как сказать. Хотя да, пожалуй. У него есть цель. Пусть скромная. Не всем же кружиться в высоких материях, изобретая термояд или летая к альфе этого… Егор даже перестал крушить сугроб, тщетно силясь припомнить, как зовется непарнокопытный греческий мужик. Да черт с ним, гибридом… Не в нем дело, а в том, что у каждого свой собственный масштаб свершений. Кто-то до сих пор ищет свой путь, мается и потому несчастлив, а он, Егор Суковатов, свою тропку нашел. Осталось пройти ее, вот и все.

Как просто!

Как понятно, просто и доступно!

Сиял день, а слезящаяся снежная крупчатка искрилась так, будто сознательно притворялась алмазной россыпью. На крышах плакали погибающие сосульки. Закаленный воробей отважно купался в луже. Мальчишки пускали спички по ручью, споря, чья раньше низвергнется в коллектор. Егор зажмурился, подставив лицо солнцу. Он был уверен: оно не обидится, взглянув в рожу бывшего бомжа. Настроение было умилительное, но и ответственное. Начинался новый этап.

Когда запахло летом, Егора все-таки уволили как сезонника, посоветовав приходить снова в октябре. Порушили и дом, выкопав на его месте котлован под будущий небоскреб. Егор направил было стопы к бывшей жене, но получил пинка от ее нового сожителя. Ладно! В тот же день он устроился ночным сторожем на склад стройматериалов, решив таким образом проблему ночлега. Каморка была тесная, но с готовым топчаном, электроплиткой и местом для стопки-другой книг. Что еще человеку надо?

Раздобыв школьные учебники, он готовился к экзаменам в пищевой техникум. Один знакомый рассказал ему, что его будущая работа будет заключаться в том, чтобы стоять у резиновой ленты и наблюдать, как мимо едут творожные сырки, а чуть что – останавливать линию и вызывать наладчиков. Егор решил, что, подучившись, справится. Воображаемое движение конвейера с сырками волнующе-приятно ассоциировалось с неостановимой поступью прогресса. Сладкая мечта быть причастным проснулась и дергала Егора за невидимые миру ниточки.

– О, какие люди! – приветствовал его Иван Неподоба из-за баррикады бутылочных ящиков. – Что-то давно тебя не было видно.

– Занят был, – кратко ответил Егор.

– А чего посуду не несешь?

– Говорю же: занят. Собирать некогда.

– Ну-ну. Ты еще скажи, что и не тянет.

– Ну и скажу! – озлился Егор. – Что было, то прошло, понятно? Не все такие, как ты.

Другой бы на месте Ивана немедленно и агрессивно ощерил пасть – какие это такие?! – но Иван был мудрее, чем казался.

– Да ты никак всерьез решил, что все изменилось? – И мясистая ряшка Ивана расплылась в улыбке – поперек шире. – Нет, правда?

– А то нет?

– Ладно. – Иван огляделся и, не обнаружив на ближайших подступах никого, кто шел бы сдавать посуду, спросил в лоб: – Так что, по-твоему, изменилось? Только про термояд и альфу Козлодоя не заливай, не надо…

– Мои мозги, – угрюмо сказал Егор. – Они думают. Раньше спали, теперь проснулись.

– Кто-нибудь это оценил?

– М-м… не знаю. А зачем мне надо, чтобы ценил кто-то? Я сам для себя. Мне нравится.

– Ты еще скажи, что счастлив, – фыркнул Иван.

– А что? – заморгал Егор. – Почему нет?

– Потому что врешь ты все. Тебе надо, чтобы тебя ценили. Всем надо. Не все могут.

– Выходит, и тебе надо?

– А то как же! – подтвердил честный Иван. – Мне надо, меня и ценят. Вот сегодня откажусь принимать винную по-

суду или приму за полцены – обматюкают. Про себя, понятно, потому что кому охота со мной ссориться? А завтра приму за полную цену – вот и уважение. Мне хватает, веришь?

– Нет, – с сомнением сказал Егор.

– Это еще почему?

Егор морщил чело – формулировал.

– Надо вверх, – сказал он наконец. – Выше надо.

– Вот я и говорю: уважения тебе хочется. Ну ладно, пусть самоуважения. – Оказывается, Иван мог оперировать и такими словами. – Хотеть-то хочется, а можется ли? Я на бионары эти клал с прибором, потому что ничего не изменилось. Ты что, еще не въехал: всем ведь ума досталось поровну. Значит, кто был наверху, академики там всякие, тот наверху и останется, а кто был внизу, тот… ну? Догадайся с трех раз.

Слушать такое было горько и обидно. Забыв, куда шел, Егор, не прощаясь, развернулся и пошлепал назад по Мастеровой. Иван хохотал ему вслед.

– Абсолютная шкала всем до фени! – доносилось до Егора сквозь жизнерадостное ржание. – Человеку интересна только шкала относительная! Верхушка кочки или Эльбруса – все верхушка, а дно – всегда дно…

Но ведь это неправда! Неправда!

Вступительные экзамены Егор провалил.

Как он ухитрился это сделать при конкурсе в полчелове-

ка на место, он не понял и не брался объяснить. Запомнилась только иронически поднятая бровь экзаменатора. Егор зачем-то поблагодарил и вышел с «неудом», глупо улыбаясь, не понимая и не веря.

В тот же день он напился пьян и слонялся без цели, цепляясь к шарахающимся прохожим со слезливыми признаниями, оскорбил непристойным действием цоколь какого-то памятника, вступил в оживленный диспут с милицией и заночевал в казенном доме. Наутро разламывалась голова, а синяки на теле свидетельствовали о массаже тупым резиновым предметом. Да еще предстояло выплатить штраф.

Нечестно! Не штраф и не побои – экзамены! Не всякий ведь сам догадается, что уж коли у всех абитуриентов повысился IQ, то и вопросы экзаменаторов станут сложнее! Надо было предупреждать!

Его предупредили – по месту работы. В энергичных словах. Спасибо, что не уволили сразу. Это случилось немного позднее.

Егор запил. Сволочные биороботы уменьшили его восприимчивость к спиртному. Если раньше его развозило вдрызг с бутылки «Жигулевского», то теперь требовался эликсир покрепче. Деньги начали таять. Один раз Егор вооружился арматурным прутом и пошел убивать гада Ивана, но запутался в улицах и на Мастеровую не попал.

Ночью он выл и рыдал в тряпье, заменявшее ему подушку. Ну почему мир устроен так подло? Почему людям интересна

только относительная шкала и их личное место в ней? Умный – глупый. Талантливый – бездарный. Красавец – урод. Богатый – нищий. Атлет – доходяга. Инициативный – инертный. Вот что на самом деле их волнует. И давать всем поровну – несправедливо, потому что у самых низших, самых обиженных не будет никакого продвижения…

Да, наука пойдет вперед, это точно. Для того, видно, бионары и были впрыснуты. Остальное – чепуха. Разве что воры начнут работать тоньше, так ведь баланс не нарушится, потому что опера да следователи тоже получили свою долю сиреневой взвеси. Ни один человек не ушел обиженным.

И ничего не изменилось. Не ведая об Экклезиасте, Егор приходил к тому же выводу: что было, то и будет.

Он мог бы понять это раньше, если бы не был так увлечен своей кажущейся эволюцией. Разве кто-нибудь, исключая наблюдателя жизни Ивана Неподобу, стал разговаривать с ним охотнее, чем раньше? Разве не внушал он по-прежнему брезгливое неодобрение? Разве хоть одна женщина посмотрела в его сторону с интересом?

Зачем живешь? Кому нужен? Для чего все это? Какой смысл?

Наплакавшись вдоволь, Егор принимался скрежетать зубными пеньками. Потом вставал с топчана, пинал книги и, покинув пост, тащился к круглосуточному магазину. Там было то, в чем он нуждался.

От контейнера к контейнеру. От урны к урне. Возле скамеек проверить сугубо. И в кустах. Ага, вон на автобусной остановке мужик башку задрал, пиво пьет… успеть бы, пока конкуренты не набежали. Евробутылка. Почти рупь.

Сентябрь природа выделила не в подарочном варианте. По утрам, в самое добычливое время, в приземном слое висели синие от холода туманы. В ужасе жухла листва. Теоретически приближалось бабье лето с его щедрыми на солнце днями, но пока сверху не то сеялась, не то просто висела в воздухе холодная морось. Она липла к нелепой фигуре, что, шаркая ногами и не замечая луж, брела неведомо куда. Иногда фигура останавливалась, скрючившись и держась за бок. Егор Суковатов обходил свою территорию.

Круг замкнулся.

Возможно, он не был кругом, а был витком спирали, но это уже не интересовало Егора. Сегодня он выспался в теплом подъезде и уже почти набрал посуды на личный прожиточный минимум. Ничто другое его не интересовало. До холодов было еще далеко, а значит, все шло путем.

– Бракованная, – объявил Иван, ощупав горлышки пивных бутылок и отставив одну в сторону. – С выколкой. Второй раз ее приносишь. Принесешь еще раз – получишь в репу. Винные сегодня не беру – тары нет. Итого одиннадцать штук.

– Винные, – гугниво пробубнил Егор.

– Чего-о?

– Возьми за полцены.

– Сказал уже – тары нет.

– Полцены, – ноюще прогнусавил бомж.

Он явно нарывался. Издав нутряной рык, Иван обозначил было движение в сторону надоеды, как вдруг что-то хлопнуло у него над головой, как хлопает разбившаяся лампочка. Кудрявое облачко, на сей раз не лиловое, а изумрудно-зеленое, чуть подсвеченное изнутри, вспухая и разрастаясь, быстро обволокло приемщика, сдатчика, штабеля ящиков и, перестав быть видимым, впиталось в городской воздух.

– И не надоест им! – подивился вслух Иван.

Затем он сморщил нос, прислушался к внутренним ощущениям и передернулся. Покосился на бомжа.

Внутри обоих что-то происходило.

Иван чихнул. Егор удержал чих, чтобы тот не отозвался очередным приступом рези в кишках.

Иван подозрительно посмотрел на Егора. Тот никак не реагировал. Приобретенный интеллект был тому причиной или приобретенный опыт – какая, в сущности, разница? Даже для дебила одного урока бывает достаточно. Смотря какой урок.

– То-то же, – сказал Иван удовлетворенно. – Значит, получи за одиннадцать и гуляй отсюда рысью. Уловил? Не слышу.

– Винные за полцены, а? – упрямо бормотал бомж.

Быть проще

Неживому сюда хода не было – в подземных галереях роботов плющило в титановые блины, опрокидывало в чаны с кипящей кислотой, плавило в спонтанно возникающих высокочастотных полях, вмораживало в глыбы твердого воздуха, било молниями, простыми и шаровыми. Для человека подземелье готовило иные сюрпризы.

Во-первых, оно разговаривало с ним. Во-вторых, в отличие от робота, очень удачливый человек теоретически мог избежать смертельных ловушек и дойти до цели. Во всяком случае, подземелье сообщало об этом всякому входящему. Лгало оно или говорило правду, до сих пор оставалось невыясненным – за сотни лет ни один вошедший еще не вернулся назад живым подтверждением сказанному.

Правда, кое-что было известно и так. Легенда, считавшаяся правдоподобной, говорила о том, что давным-давно, более двух тысячелетий назад, когда отравленная до предела Земля перестала поддерживать существование живых существ и более обеспеченная часть населения предпочла покинуть ее, предоставив менее обеспеченной части вымирать естественным порядком, некий эксцентричный триллионер, входивший в тройку самых богатых людей обитаемой Вселенной, обратил половину своего состояния в неисчислимые вещественные сокровища, скрыв их в толще скандинав-

ских гранитов. Вторая половина триллионов пошла на создание пресловутой пещеры Али-Бабы, куда более совершенной, нежели та, что была выдумана невежественными арабскими сказителями. Зачем – вопрос без ответа на уровне логики. Быть может, только для того, чтобы люди когда-нибудь вернулись на Землю. Согласно той же легенде, сам триллионер эмигрировать отказался.

Подземелье, если ему верить, жило своей жизнью, углубляя и перекраивая себя. Топография ходов менялась, пропадали старые ловушки, и возникали новые. Чертежи, если бы их и удалось передать на поверхность, были бесполезны.

Взломать? Пытались, и не раз. Как правило, подземелье уничтожало взломщиков, доказывая тем самым, что умеет убивать не только внутри себя. Гибли механизмы и люди, плавились стенки прорубленных штолен. Подземелье вовсе не объявляло себя всесильным в грубом лобовом противостоянии и, наверное, способ взлома все же существовал. Но искать его перестали после того, как было получено внятное предупреждение: в крайнем случае подземелье уничтожит самое себя.

Вместе с сокровищами.

Снаружи бушевала радиоактивная метель. Где-то позади остался космический челнок, лишь писком радиомаячка обнаруживая свое присутствие. Челнок был взят напрокат, заложенная в него программа приказывала ему взлететь и лечь на обратный курс в том случае, если пилот не вернется на

борт спустя трое суток.

Зев пещеры оказался узок и высок, как готическая арка. Защитное поле пропустило человека, счистив с него радиоактивную и химическую грязь. Человек усмехнулся: сколько раз он наблюдал это в записи! Он замедлил шаги. Теперь должен был зазвучать Голос подземелья, очень хорошо знакомый ему Голос, многократно проанализированный всеми мыслимыми способами, но не давший и подобия ключа к разгадке. Да и могло ли быть иначе? Возможно, создатель подземелья и был сумасшедшим, но он не был дураком.

И Голос раздался – надтреснутый, похожий на стариковский. Большинство экспертов сходилось во мнении, что подземелье подстраивалось под тембр своего давно умершего и истлевшего создателя.

– Стой.

Человек послушно остановился. Как многие другие, вошедшие сюда до него. Все было правильно.

– Ты желаешь богатства?

Ненужный, чисто ритуальный вопрос. Человек ответил утвердительно. Если бы он сказал «нет», подземелье просто не пропустило бы его дальше. Такое изредка случалось.

– Ты готов рискнуть?

– Да.

И опять ненужные слова. Многие, очень многие хотели рискнуть. Правда, некоторые из них поворачивали назад, услышав предупреждение.

– Ты видишь черту на полу?

– Только ее и вижу, – честно ответил человек. Мерцающий туман за чертой, несомненно, удерживаемый каким-то полем, мешал увидеть глубину подземелья. До сих пор все попытки локации оказывались безуспешными. Что ж, везде свои правила, а хозяин – барин…

Главное, чтобы игра шла по правилам. Без шулерских штучек.

– Скоро увидишь и остальное. Но прежде чем пересечь черту, ты должен оставить здесь все оружие, все инструменты, связные и сканирующие устройства любого типа. Нарушение этого правила карается немедленной смертью. Ты понял?

– Нет ничего такого, даже имплантированного, – сказал человек. – Только одежда и фонарик.

– Фонарик можешь оставить при входе, – милостиво разрешил Голос. – Он не пригодится.

Новость. В тех записях, что человек внимательно изучил перед тем, как отважиться на попытку, подземелье ничего не говорило соискателю об источниках света. А его вот предупреждает… Одно из двух: либо внутри достаточно светло, и тогда выходит, что подземелье симпатизирует ему, раз дает подсказку… либо оно лжет.

– Не бойся подвоха, – сказал Голос. – Я играю честно.

– Ты читаешь мысли? – с беспокойством спросил человек.

– Нет нужды. Я вас хорошо знаю. Слушай правила игры:

ты идешь и находишь то, что тебе нужно. Я мешаю тебе, используя базовый набор средств и не придумывая специально для тебя новых приемов. Двигаться можно только вперед. Если после пересечения черты ты повернешь назад, я уничтожу тебя немедленно. Если ты повернул или почему-либо не дошел – ты мертв, и игра заканчивается. Если ты добрался до хранилища, игра также заканчивается, но уже твоей победой, и ты получаешь право опустошить хранилище…

– Только право или и возможность тоже? – перебил человек.

– Здесь права гарантированы. Сейчас у тебя есть право попытаться. Ты принимаешь условия игры?

Еще бы не принять! Три года подготовки, груды видеозаписей, сотни часов на имитаторе, психотренинг, искусственно подстегнутые рефлексы, сильные и сухие, как у йога, мышцы… А главное, исчерпанный банковский кредит и невозможность выбиться из нищеты иным способом. Даже деньги на аренду челнока пришлось занять у друзей, обманув их насчет целей займа – кто же согласится кредитовать самоубийцу!

Еще три года назад он знал, что в конце концов явится сюда и скажет «да». Но только теперь по спине побежал холодок.

– Я хочу задать вопрос, – сказал человек. – У меня действительно есть шанс?

Ему показалось, что в глубине подземелья кто-то хихик-

нул.

– У тех, кто вошел сюда до тебя, тоже был шанс. Задача имеет решение, это все, что я вправе сообщить. И у гроссмейстера можно выиграть. Теперь решайся или уходи. У тебя одна минута.

– Я согласен.

Как вниз с обрыва, не видя дна. Короткая дрожкая судорога – и спокойствие. Нормальная настороженность и уверенность в конечной победе. Будь проще, здесь некогда раздумывать. Действуй, не колеблясь. Убей в себе страх – он союзник твоего врага.

Человек пересек черту на полу. Теперь он был невидим для тех, кто мог бы наблюдать за ним с той стороны черты. Если бы там кто-то и остался, он ничем не смог бы помочь, как уже не могли помочь просмотренные видеозаписи предыдущих попыток. Так входили в подземелье его предшественники. Входили, надеясь только на себя. И не возвращались.

Человек не дерзнул сделать шаг назад, но пощупал рукой. Позади была твердая, скользкая на ощупь стена. Назад хода не было.

Что ж, все по правилам…

Почему-то казалось, что силовая стена, отделившая его от внешнего мира, должна быть непременно прозрачной с этой стороны. Как издевка подземелья: мол, смотри, запоминай напоследок… На миг захотелось обернуться, но чело-

век сейчас же отогнал неуместное желание. Вряд ли любопытные живут здесь долго. Ежесекундно готовый отпрянуть, ускользнуть, обмануть ложным движением, он сделал шаг, другой…

Здесь не было мерцающего тумана. Пещера суживалась, превращаясь в прихотливо изогнутый туннель с гладкими стенами. Стены неярко светились; иногда по ним пробегали радужные сполохи. Да, фонарик действительно не нужен…

Третий шаг. Четвертый. Пя…

Первая ловушка была явно рассчитана на круглого дурака: огромнейший чугунный молот весом, наверное, в тонны в две, почти не замаскированный, падал сверху, стоило жертве наступить на определенный квадратик мозаичного пола. Падал он с важной медлительностью, и только паралитик не успел бы отскочить в сторону.

Удержанный неизвестно чем, молот не коснулся пола. Завис как бы в нерешительности, затем пошел вверх и втянулся в распахнувшийся в потолке люк.

– И это все, на что ты способен? – с усмешкой спросил человек.

Голос молчал.

Пожав плечами, человек двинулся дальше. Если здешние ловушки все такие… Нет, конечно же, нет! Подземелье элементарно усыпляет бдительность. Старые штучки. Надо думать, одна-две следующие ловушки будут столь же несерьезными, зато потом – держись! И вовремя реагируй. Жди под-

вохов. Будь иначе – кто-нибудь уже давно добрался бы до хранилища.

Узнать бы: что в нем? Если металлы типа золота, платины или, допустим, трансуранидов, то их сегодняшняя рыночная стоимость никак не исчисляется триллионами – в лучшем случае сотнями тысяч. Тоже неплохо, конечно, но… не то. А если там драгоценные камни, то и того хуже – дешевка по нынешним временам. Время идет, технологии развиваются…

Иное дело – сокровища искусства. Вряд ли сумасшедший триллионер был настолько слабоумным, чтобы не понимать, какие виды сокровищ со временем обесцениваются, а какие, напротив, дорожают и дорожают.

Или, например, древние тайные знания. Легенда гласит, что тот триллионер прожил двести лет. Врет, наверное. А если не врет?.. Рецепт долголетия стоит триллионов. Ну что такое сегодняшние сто двадцать лет средней продолжительности жизни? До обидного мало. Продавать желающим лишние восемьдесят лет да еще прослыть при этом благодетелем рода человеческого – ого!..

Шаг. Еще шаг. Еще…

Одиннадцать шагов обошлись без сюрпризов. На двенадцатом из стены выскочил тонкий хлыст, свистнул низко над полом.

Человек подпрыгнул чуть позже, чем следовало, но все же не фатально поздно. Описав круг, хлыст мгновенно втянулся в стену, а на мозаичный пол мягко упал аккуратно срезан-

ный ломтик подошвы. Человек мысленно чертыхнулся: все-таки задело… Страшно было подумать, что случилось бы с ним, опоздай он подпрыгнуть. С той же легкостью срезало бы ноги. Лежал бы здесь, корчась, истекая кровью, исходя бессмысленным криком… Нет сомнения: некоторые из соискателей погибли уже здесь.

Правда, нигде не видно останков расчлененных неудачников – ну так что с того? Наверняка квазиразумное подземелье само заботится о поддержании чистоты внутри себя. Денег на него было ухлопано предостаточно. Кроме того, груды останков предыдущих соискателей недвусмысленно указывали бы последующим на опасные места.

Секунда – и новый хлыст рассек воздух выше предыдущего. Рефлексы оказались быстрее разума и сработали правильно: не пытаться перепрыгнуть, а упасть ничком, пропустив хлыст над собой. Сейчас же мозаичный пол начал крениться, как палуба судна, попавшего в шторм. Большой фрагмент пола быстро поворачивался на шарнире, готовясь сбросить человека в открывшийся черный провал. Что там внизу – кислотная ванна? вращающийся шнек мясорубки? бездонный колодец, в который падать и падать, воя от ужаса? Если бы человек и успел подумать об этом, то его мысли все равно не имели бы никакого значения.

Он оттолкнулся одной ногой от пола, другой от стены и перелетел за кренящийся фрагмент. Упал, перекатился, вскочил. Нырнул вперед, уходя от струи огня, внезапно вырвав-

шейся из стены, сгруппировался, ушмыгнул вбок от падающего сверху лезвия гильотины, в прыжке пролетел сквозь неизвестно откуда взявшееся пылающее кольцо. Что-то подсказало: вне кольца пути нет.

– Неплохо, – снисходительно поощрил Голос.

«Посредственно», – мысленно поправил человек. На тренажере у него получалось лучше. Подумаешь – четыре ловушки одна за другой! А десять не желаете ли?

Он проходил и двенадцать ловушек кряду – не всякий раз, но как правило. То, что ему продемонстрировало подземелье, было сущей чепухой по сравнению с виртуальным тренажером-имитатором. Правда, в виртуальном пространстве подземелье не могло его убить, причиняя при ошибках лишь боль и – иногда – стигматы, шутки подсознания в виде рубцов и ожогов на теле. По правде говоря, и с виду виртуальное подземелье не очень-то походило на настоящее, но кто может похвастать, что видел его, настоящее? В смысле, кто видел подземелье и сумел вернуться, чтобы описать его создателям тренажера? Никто. По условиям игры вернуться можно только с сокровищем, и если бы кто-то вернулся, тренажер потерял бы главный смысл, превратившись в заурядную виртуальную игрушку. А хорошие, однако, бабки заработали на дураках создатели тренажера… Впрочем, хорошие бабки только на дураках и зарабатываются…

Наплевать, подумал человек. Он почти не запыхался. А что сердце стучит и ладони вспотели, так это от естествен-

ного волнения. До усталости еще далеко. Как бы ни был тренажер далек от реальности, главному он научил. Скорости. Реакции. Выносливости. Интуиции. Пожалуй, ничего другого здесь не требуется.

Ну, вперед!..

Спустя тридцать минут человек был еще жив. Правая щека горела от ожога, одежда превратилась в лохмотья, на боку и предплечье красовались сочащиеся кровью порезы. К счастью, внезапно выскочившие лезвия, от которых человек почти – вот именно, почти! – успел увернуться, оказались без яда.

На тридцать первой минуте погас свет.

Упав, вжавшись в пол, человек услышал, как что-то привычно свистнуло над головой. Вскочить он не успел. Кто-то грузный, тяжело сопящий навалился на него сверху, нащупал горло и стал душить.

Ударив вверх локтем и попав, как видно, в солнечное сплетение, человек на секунду добился ослабления хватки. Ужом извернулся под противником, ударил еще, целясь в пах, сам получил удар головой в лицо, но сумел сбросить с горла узловатые пальцы душителя, а затем и выползти из-под давящей тяжести. Вскочил. Неизвестный тяжело дышал где-то рядом и, похоже, также поднимался на ноги.

В кромешной темноте человек провел наугад три сокрушительных удара и двумя из них попал. Неизвестный взвыл от боли, затем захрипел.

Стены коридора вновь осветились.

Никого. Человек оглянулся. В самом деле – никого… Коридор здесь прямой, противник не мог так быстро убежать. Разве что втянулся в стену…

– Ну и фокусы у тебя, – сипло и зло сказал человек, с трудом ворочая шеей.

– В рамках правил игры, – немедленно отозвался Голос. – Я не выдумывал для тебя ничего нового.

– Что же ты, сволочь, – сипло укорил человек, с трудом ворочая шеей, – сказал, чтобы я оставил при входе фонарик? А сам свет гасишь! Это тоже в рамках правил?.. Что молчишь?

– Нет, – согласился Голос после паузы. – Это не в рамках правил. Это подсказка. С фонариком ты не добрался бы до этого места.

– Почему? – выкрикнул человек.

– Потому что на сто девятом метре…

– Я не о том! Почему ты дал мне подсказку?

– Почему бы нет? Ты не доволен? Разве твои шансы уменьшились? Да и мне интересно посмотреть. Обидно, когда соискатель гибнет слишком рано. Кроме того, в последнее время соискателей становится все меньше.

Обидно ему… Интересно, видите ли, посмотреть! Быть может, верен тот вариант легенды, согласно которому безумный триллионер скопировал в квазиживые мозги подземелья свое собственное сознание? Старческое какое-то любо-

пытство, нездоровое…

Наплевать. Вперед!

Шаровая молния, летящая в лицо со скоростью пушечного ядра… Уклониться. Пляшущая сеть электрических разрядов… Проскользнуть.

Дальше была развилка. Два одинаковых коридора – правый и левый.

– Может, подскажешь? – спросил человек. – Теперь куда?

– Тебе решать. Но идешь ты хорошо, я прямо любуюсь…

– Ну-ну, любуйся. А лучше бы дал совет.

– Один путь длиннее, другой короче.

Ага, значит, к цели приведут оба. Это главное.

Словно гора с плеч. Мучительный выбор между жизнью и смертью превратился в смехотворную дилемму: какой рукой лучше почесать затылок, правой или левой?

Правой.

Десять шагов. Ничего. Еще десять. Еще пять…

Гудящий рой крупных ос. Шершни. Стремительные убийцы. Нечто подобное было и на имитаторе, только вместо шершней там гудели мутированные москиты – каждый с воробья.

Все равно: любой укус здесь смертелен. Один-единственный укус.

Рой распался на множество черных точек. Они атаковали с невероятной быстротой.

Первым побуждением человека было метнуться назад, но

он вовремя вспомнил предупреждение. Нет, назад нельзя. А если вперед?..

Рывок!

Осы пронеслись сквозь него, не задев. Их грозное слитное гудение слышалось теперь позади и удалялось.

Морок, с облегчением понял человек. Голограмма. И сию же секунду гудение стало стремительно приближаться вновь.

Человек побежал.

Он был почти уверен, что теперь за ним гонятся не бестелесные изображения, а настоящие крылатые убийцы. Десять против одного… Неопытный игрок, воображающий себя шибко умным, тут и проиграл бы свой шанс, а с ним и жизнь. А надо быть проще. Обмануть, усыпить бдительность и ударить насмерть – это так просто, так понятно, так по-человечески…

Он с разбегу перепрыгнул огненную ловушку. Дальше был зал. И – круглый бассейн в центре зала.

Шершни настигали. Сделав отчаянный прыжок, человек перелетел через парапет и нырнул в бассейн.

В воду! С головой, с ногами! Чтобы ничего не торчало. Возможно, эти твари способны жалить через одежду и даже обувь, но они заведомо не умеют нырять…

Слой воды оказался толщиной в пядь. А ниже – вязкий, засасывающий ил.

Человек попытался забарахтаться, но не сумел: илистая трясина держала крепко, сковав и медленно заглатывая.

Мошка в янтаре – и та имела больше шансов выбраться из плена.

Человек взвыл от злости, выпустив цепочку пузырей. Сам прыгнул в ловушку! Сам! Так глупо попасться!

Чья-то когтистая лапа, погрузившись в трясину, ловко выудила его и швырнула на каменный парапет. Сверху низвергнулись потоки воды, смывая с тела липкую грязь.

Человек задыхался. Если бы на него лилась не вода, а царская водка, он не нашел бы в себе сил двинуться с места.

Шершни куда-то исчезли. Зато на каменной тумбе перед ним сидел Сфинкс, глядел на мокрого оборванца и точил о тумбу когти. Кисточка львиного хвоста подрагивала от нетерпения, но женское лицо было равнодушно. В умело подкрашенных глазах Сфинкса стыл лед.

Что больше всего поражало, так это полное соответствие имитатору. Там тоже был Сфинкс. И надо было отгадать загадку.

– Отдышался? – Голос Сфинкса был начисто лишен эмоций. – Если нет, я подожду еще. Но недолго. Потом ты должен будешь ответить на три вопроса.

– Почему на три? – недовольно спросил человек.

– Ты правильно ответишь на три вопроса, и только тогда продолжишь путь, – сказал Сфинкс. – В противном случае твой путь тут и прервется. Я не спрашиваю тебя, согласен ты или нет. Твоего согласия не требуется. Ты готов?

Человек со вздохом покрутил головой.

– Ладно… Задавай свои вопросы.

– Вопрос первый: для чего ты живешь?

Ничего себе вопросец… Во-первых, жить довольно приятно. Во-вторых, родители как-то не спрашивают детей, хотят ли те рождаться. Родили – и живи себе, вот и весь ответ.

Вот только удовлетворит ли такой ответ Сфинкса? Пожалуй, что нет. Вот ведь гадина, гибрид, музейный урод с философским уклоном!..

– Я жду, – напомнил Сфинкс, подняв львиную лапу к самому лицу человека. Из мягких подушечек медленно выдвинулись стальные когти.

Вцепиться в эту лапу, рвануть на себя, швырнуть чудовище через бедро было делом полусекунды. В бассейн его! В трясину! Тяжелый, гад…

Сфинкс заревел совершенно по-львиному. Затем трясина сглотнула его. На поверхность выскочило несколько крупных пузырей – и все.

Человек перевел дух. Огляделся. Подземелье не реагировало.

– Это по правилам? – спросил он на всякий случай.

– Вполне, – ответил Голос. – Правила здесь задаю я. Некоторые думают, что это не так, но они ошибаются.

Человек поморгал. Это что выходит такое? Ловушка здесь может обладать свободой воли? Даже часть ловушки, потому что Сфинкс, бассейн и шершни – одна и та же ловушка, только сложная…

Но ведь в тех же пределах и соискатель обладает свободой воли. Так что, пожалуй, все справедливо. И подземелье играет по правилам, поскольку выход из ловушки все же нашелся!

Простейший выход, между прочим. Интеллектуал попытался бы ответить на вопросы – и наверняка проиграл бы. Здесь, как и везде, надо быть проще…

Других ловушек в зале не оказалось. Человек с удовольствием отдохнул бы на парапете бассейна, но особенно рассиживаться не стоило. Кто знает, какой сюрприз приготовило подземелье на данный случай.

Новый коридор. Целые заросли сверкающих лезвий, скрещивающихся на манер ножниц… Свист разящего хлыста… Шкворчащие струи расплавленной меди… Тихий шелест летящего диска с бритвенно-острыми краями, нацеленного точно в горло…

Упасть. Перекатиться. Перепрыгнуть. Увернуться. Рвануть вперед.

Кто сказал, что у гроссмейстера невозможно выиграть?

Коридор заканчивался тупиком. Человек оскалился в усмешке: знакомые штучки… Хранилище, наверное, совсем рядом, надо только догадаться, как открыть эту стенку, и решение наверняка будет простым, как мычание. Быть может, просто боднуть ее головой? А ну, Сезам, откройся!..

– Не споткнись, – иронически посоветовал Голос. И в этот момент человек споткнулся.

Он почувствовал, что скользит куда-то вниз, в темноту, и едва успел сгруппироваться, как падение прекратилось. Он лежал в большой камере на чем-то жестковатом, но упругом. Наклонный лоток, по которому он только что скользил, уже успел втянуться в круглое отверстие над головой. Миг – закрылось и отверстие.

– Ты пришел, – возвестил Голос.

– Куда? – спросил человек, оглядываясь. – Это не хранилище.

– Это отстойник. Или могильник, если тебе угодно. Сюда попадают такие, как ты. Восемнадцать процентов вошедших. Мне уже трижды приходилось расширять это помещение. Второй отстойник – дважды. Там остаются десять процентов соискателей. Видишь ли, левый путь от развилки длиннее и сложнее, не все доходят…

Человек сглотнул. Облизнул потрескавшиеся губы.

– Значит… – он не сразу выговорил страшное слово, – я проиграл?

– Не всем же выигрывать, – снисходительно сказал Голос. – Кстати, на твоем месте я бы не вставал. Нехорошо топтать покойников.

Человек дико воззрился на то, что лежало под ним. Мумии… Коричневые ссохшиеся мумии с провалившимися глазницами, жуткими оскалами, мочалками свалявшихся волос на туго обтянутых черепах… Мумии друг на друге. Слоями.

Неужели и его судьба стать такой же мумией? И пружинить под следующим неудачливым игроком? Нет… Нет!!!

– Здесь сухо и нет ни микробов, ни грибков, – продолжил Голос. Наверное, он все же читал мысли. – Я бы мог кремировать тела проигравших игроков, но, по-моему, хранить их мумифицированными чище и гигиеничнее…

– Ты обманул меня! – закричал человек. – Я дошел! Твои ловушки ничего со мной не сделали! Где хранилище?

– Показать тебе? Смотри.

В воздухе сгустилось изображение. Условная человеческая фигурка стояла по стойке «смирно» под опускающимся на нее молотом и не делала попыток увильнуть в сторону. Первая ловушка, самая первая и самая глупая, не увернуться от которой умудрился бы только паралитик…

Молот едва коснулся головы фигурки. В тот же миг фигурка провалилась в люк. Сокровища были там. И какие сокровища! Нет, они не обесценились за минувшие тысячелетия, они даже выросли в цене…

Сокровища лежали у входа. А он… он, как дурак, прошел весь путь, обманывая ловушки, уворачиваясь, финтя, сражаясь до последнего… и зная, что обратного пути нет.

– Это нечестно! – завопил человек, размахивая руками. – Не по правилам!

– Ты слышал правила игры, – возразил Голос. – Могу повторить. Разве в них было сказано, что ты должен пройти все подземелье из конца в конец?

Человек сплюнул. Оскалился, и оскал его был страшен, но бессилен. Он проиграл. Подземелье перехитрило его, обвело вокруг пальца. Элементарно надуло!

– Зачем же вся эта… бутафория?

– Почему бутафория? – Голос, казалось, удивился. – Ловушки настоящие. Почему ты решил пройти их все – спроси у себя, ведь ты человек, а я только механизм. Но ты, вероятно, хочешь спросить, почему я не убил тебя сразу, как только ты миновал хранилище? А меня ты не берешь в расчет? Должен же я был получить удовольствие, наблюдая за тобой. И я его получил. Некоторые из твоих предшественников шли лучше тебя, но и ты шел неплохо…

Человек обхватил голову руками и замычал, раскачиваясь.

– Вы вечно говорили, что надо быть проще, – вещал Голос, – и вели себя соответственно. Проще не думать, чем думать. Проще выбросить вещь на помойку, чем ремонтировать ее. Проще напрячь кого-нибудь, чтобы изобрели новую штуковину, позволяющую не двигаться, нежели самим пошевелить конечностью. Проще поддерживать в тонусе дряблые мышцы на тренажере, чем колоть дрова и таскать воду из колодца. И уж куда проще, загадив свой дом, переехать в соседний, пустующий, чем заняться уборкой. На том вы всегда стояли, на том стоите и сейчас. Быть проще, еще проще! Но даже этого вы не умеете…

Голос смолк. Человек пошевелился, встал на жесткое,

слегка пружинящее. Под его ногами слоями лежали сухие мумии проигравших игроков. Иные – в странных позах. Похоже, перед смертью они пытались укусить собственный локоть.

Октябрь 2001 г.

Счастливая звезда Агафокла-младшего

В двенадцатое лето правления любимого римским народом и осененного милостью богов кроткого кесаря Клавдия случилось событие настолько грандиозное по своим последствиям для судеб народов, населяющих Ойкумену, насколько же ничтожное по видимым проявлениям. Несомненно, именно поэтому оно ускользнуло от внимания историков, чьи имена могли бы придать вес этому рассказу, если бы только скепсис потомков не отнес его к разряду небылиц, как оно, вероятно, и произошло бы. Говоря короче, весной того года, о котором идет речь в нашем правдивом повествовании, свободнорожденный эллин Агафокл, сын Агафокла-старшего, купец из Книда, потерял свое достояние, а вместе с ним и свободу. Потеряв же свободу, он тут же едва не потерял жизнь – однако, скажете вы, кому интересно столь заурядное событие, если только оно не произошло в окружении человека незаурядного и, следовательно, не послужило поводом к созданию исторического анекдота? Потерпите немного, читатель.

Квинт Пупий Руф, хозяин Агафокла, был человеком заурядным. И его развратный полуприятель-полуклиент, чье имя история не сохранила, но которому на вилле Пупия поз-

волялось многое, также не был выдающейся личностью. И если мы упоминаем их в своем рассказе, то лишь следуя правилу не обходить молчанием ничего из того, что нам известно об Агафокле и его Счастливой звезде.

Прислуживать на вилле Пупия Руфа – не ломать спину на виноградниках. Вчерашний купец, ныне – купленный раб, не вполне еще оценил выпавшую на его долю редкую удачу и даже не успел как следует пройти курс обучения у впавшего в дряхлость старого раба Пупия, как новый поворот судьбы бросил его на скамью гребца триремы, и виноват в этом повороте был он сам.

Могли бы и убить.

– Эллин? – строго спросил гость, принимая поданную Агафоклом чашу. – Грекулюс? Экий нежный… Белая свекла?[1] – Агафокл замотал головой. – Нет? Не верю.

И не успел Агафокл опомниться, как гость, отставив чашу, ловкой подножкой повалил его на ложе, облапил и под жирное хихиканье Пупия принялся сдирать с раба хитон, гогоча во все горло и призывая в свидетели богов, что давно уже не пробовал сладенького и что Пупий, радушный хозяин, друг и щедрый патрон, не откажет гостю в невинном удовольствии…

Тут-то и произошло непоправимое: вырвавшись, Агафокл наотмашь ударил гостя. Ударил смачно. От души.

---

[1] Автору не удалось выяснить, почему в греко-римской античности развратников называли белой свеклой, а не как-то иначе. Однако факт есть факт.

Трудно сказать, явилось ли это необдуманное действие невольным протестом со стороны еще недавно свободного книдского гражданина или же Агафокл некстати вспомнил о Счастливой звезде, но то, что последовало за поступком Агафокла, известно достоверно: пока Пупиев полуприятель-полуклиент еще кувыркался в кровавых соплях, пытаясь разобраться, каким ветром его снесло с ложа, сам Пупий, брезгливо кривя чувственный рот, уже отдавал короткое приказание сбежавшимся по его зову рабам. Немедленным следствием приказания было водворение Агафокла в небольшой и как бы домашний Пупиев эргастул, находившийся тут же, на вилле.

То, что его даже не избили, вселяло самые черные подозрения. Их охотно подтверждал раб, раз в день носивший Агафоклу гнилую бурду. Так продолжалось неделю. Несомненно, хозяин решал: казнить ли провинившегося раба своей властью или же передать префекту для поучительного повешения на столбе.

Наконец его вывели на свежий воздух и сняли цепь, однако лишь для того, чтобы тут же приковать к другой цепи, сковывавшей вереницу осужденных. Легионеры-конвойные были недовольны задержкой и торопили кузнеца. Пупия не было видно, сколько Агафокл ни крутил головой. Он повеселел: казнь, по-видимому, откладывалась, утро было ясное, и в восточной части неба, невидимая, кроме него, ни одному смертному в Ойкумене, не тая в лучах колесницы Гелиоса,

по-прежнему ярко сияла его Счастливая звезда.

Он еще успеет обратиться к ней; даже вися на столбе, еще не поздно сделать это. Римляне не убивают сразу.

Первый день колонна шла пешком. В полдень и вечером конвойные дали овощей и позволили напиться у источника. На второй день осужденных посадили в повозки, и это было еще удивительнее раздачи овощей. Может быть, они хотят, чтобы осужденные подольше продержались на столбах? Э-хе… Агафокл услышал слово, громко произнесенное кем-то: навмахия.

От знакомого слова почему-то стало липко и страшно.

Предопределения судьбы неведомы даже богам, так стоит ли говорить о простых смертных. Даже и о не совсем простых… О том, что он не простой смертный, Агафокл узнал в раннюю пору юности, и узнал случайно. Однажды зимним вечером, когда рассерженное море выло и плевалось, врываясь в книдскую гавань, а небо было ясное и безлунное, он стоял перед деревянным, сработанным под хиосский мрамор портиком старого отцовского дома на Меняльной улице и, разинув рот, глазел на небо. Что его побудило в тот вечер вглядеться в очертания созвездий, является загадкой и рассмотрению не подлежит. Гораздо существеннее то, что за этим занятием, в принципе полезным, но приличествующим скорее сыну кормчего, нежели купца, его застал отец.

Уместнее всего в такой ситуации был бы подзатыльник,

однако, против ожидания, Агафокл-старший подзатыльника сыну не дал, а встал рядом и, задрав бороду, тоже стал вглядываться.

– Видишь ее? – спросил он некоторое время спустя, переждав приступ немого удивления Агафокла-младшего.

– Кого, отец? – почтительно спросил сын, на всякий случай отступая на шаг.

– Кого, кого… Если бы я знал, кого! Если бы я ее видел! Уж я бы… Э-эх! Ну-ка скажи, что ты там видишь?

– Звезда, отец. Очень яркая. Золотая. А вчера не было. Да вот же она!

– Где? Скажи словами.

– Левее и ниже Тайгеты, отец. Неужели ты не видишь?

– Верно, – буркнул Агафокл-старший. – Там она сейчас и должна быть. Туда-то ее и повесили. А я… – он понурился и вздохнул, – я ее не вижу, сынок. Все вокруг вижу, а ее – нет, не могу. Всю жизнь пытаюсь увидеть, а увидел ты. Выходят, боги тебя любят… – он усмехнулся в бороду. – Придется завтра в жертву быка принести – не меньше.

– Кому, отец? – удивленно спросил Агафокл-младший.

– Гелиосу, конечно…

Наутро, едва дождавшись восхода солнца, отец потащил его из дома.

– И теперь видишь звезду?

Агафокл ответил утвердительно. Более отец ничего не пожелал объяснять, сколько Агафокл ни спрашивал. Самым

удивительным было то, что звезда не участвовала в обращении небесных циклов. Она упрямо стояла на месте, как приколоченная гвоздем, и ночью можно было наблюдать, как окружающие звезды медленно-медленно проходят и над ней, и под ней, и сквозь нее.

С тех пор отец начал относиться к Агафоклу почти как к равному и – странное дело – стал реже брать его с собой в поездки по торговым делам, перестал заставлять упражняться в счете устном и письменном, зато твердо настоял на посещении философской школы при гимнасии и огорчался неуспехам сына больше, чем торговым неудачам.

Агафокл, не понукаемый никем, жил в свое удовольствие. Школа была развлечением для ума, не больше. Однажды, распираемый тайной, как амфора неперебродившим вином, он объявил, что днем и ночью видит звезду, стоящую на небосклоне неподвижно… Избавиться от насмешек не удавалось целый год.

К тому времени он уже видел звезду сквозь стены.

В день, когда Агафоклу-младшему минул двадцатый год, отец приказал ему следовать за собой и привел на круглую пустошь в нескольких стадиях от города, где только и росло, что колючки и жесткая трава пучками и не любил пастись скот. Здесь Агафокл-старший поведал сыну историю Счастливой звезды, а мы вынуждены ограничиться вольным пересказом, опустив подробности явно вымышленные, дабы, не скрыв истины, охранить правдивость нашего повествования.

Случилось это за три с половиной века до рождения Агафокла-младшего, когда земли Азии топтало войско победоносного Александра. Гремел Граник, пылал Тир и, как водится, вместе с македонской армией, а чаще за ней, продвигались, попутно занимаясь мелкими и крупными грабежами, отряды греческих наемников. Впрочем, у Дария они тоже были.

Один из таких отрядов (чью сторону он держал – неважно), воровски подбираясь к Книду, встретил невдалеке от города неосторожного пастуха с овечьим стадом. Возблагодарив Зевса Олимпийского за щедрый дар, оголодавшие наемники накостыляли соотечественнику по шее до самых пяток и, бросив в кустах бесчувственное тело, устроили буйный пир. Когда пастух пришел в себя и обнаружил, что одна часть стада съедена, а другая угнана неведомо куда, первой его мыслью было удавиться без промедления. И он уже начал приводить в исполнение свое намерение, как вдруг с небес к нему спустился сам Гелиос на громадной грохочущей колеснице. Колесница та стояла на огненном хвосте, и там, где хвост касался земли, он вырывал с корнем кусты и деревья и отшвыривал их прочь, изломанные и горящие, а протекавший в овраге ручей выкипел весь. Когда же хвост иссяк и колесница встала на землю, из нее вышел бог в серебряном одеянии, величав и спокоен. Узнав имя несчастного пастуха и причину его несчастья, расспросив его о многом, что делается на Земле, и немало подивившись ответам, бог пове-

лел так: пусть до первой твоей просьбы днем и ночью сияет на востоке звезда, видимая тебе одному. Проси у нее что хочешь, однако не переусердствуй в желании ненужного тебе и людям. Если же ты по неразумию, боязни или скромности воздержишься от просьбы, то знай: иные из твоих потомков, носящие, как и ты, имя Агафокл, смогут видеть эту звезду и один из них – но лишь один! – сможет, назвав свое имя, попросить ее о чем захочет. После этого звезда навсегда перестанет быть видимой кем бы то ни было. Так сказал бог и взвился в небо на колеснице с огненным хвостом. А пастух пошел в город.

– Он не вернул себе стадо? – спросил Агафокл-младший. – Впрочем, что там стадо, когда он мог бы…

Оказалось, что пастух был человек умный. Он не распорядился Счастливой звездой сейчас же («Иначе бы ты, бестолочь, никогда ее не увидел», – добавил отец). Он оставил звезду на черный день, запретив себе даже думать о ней в дни удачи. Ему везло в жизни, и сын его – разумеется, тоже Агафокл – был уже купцом…

«Не всякий ее видел, – вздыхал отец о несбывшемся. – Прадед твой видел, это точно. Он мне и рассказал: передашь, сказал, дальше. А вот дед твой не видел и даже не знал о ней. Оно и к лучшему: шалопаем был твой дед, совсем как ты и даже хуже…»

– И она теперь… моя? – с замиранием сердца спросил Агафокл, в чьей голове с безумной скоростью мелькали

идеи, одна заманчивее другой.

Молодости свойственна живость мысли, старости – глубина. Агафокл-старший щелкнул отпрыска по носу:

«Не желай богатства – ты имеешь его достаточно. Не желай женщин – за деньги ты найдешь их повсюду. Не желай власти – звезда не поможет тебе ее удержать. Не желай смерти тем или иным людям – другие, которые их заменят, могут оказаться еще хуже. Не проси у звезды того, чего можешь достичь сам, – сознание, что ты истратил звезду на пустяки, замучит тебя к старости. Всегда помни, что звезда исполнит лишь одну твою просьбу…»

Эти слова, по требованию отца, Агафокл отныне должен был повторять ежедневно. Мало-помалу он перебрал в уме все мыслимые и немыслимые желания, явные и тайные, а перебрав, разочаровался. Получить бессмертие? Агафокл достаточно долго посещал философскую школу, чтобы отказаться от мнимого соблазна. Стать великим, как Эпикур? Сделать Книд центром Ойкумены? Поставить в гавани колосс выше Родосского? Слишком просто. Отец прав: если просить, то надо просить такое, на что способны не люди, а лишь боги, создавшие людей…

И без всякой звезды жизнь полна удовольствий для того, кто молод и не беден. Развлекаясь порядком, обычным для провинциальной золотой молодежи, Агафокл не забывал о Счастливой звезде, но и не торопился. Она ждала долго. Она подождет еще.

Вы не устали, читатель? Тогда я продолжу.

Стоик по школе и убежденный эпикуреец в душе, Агафокл не сильно огорчился прекращением раздвоения личности, когда по смерти отца ему пришлось взять в свои руки торговое предприятие. Огорчения, как водится, пришли позже, подобно воспитанным соседям, стремящимся опоздать на званную пирушку, но все же не так чтобы очень.

За долги отца (Агафокл отказывался верить их размерам, пока римский судья не подтвердил права кредиторов) пришлось расстаться с двумя кораблями из трех. Скрепя сердце пришлось отдать часть портовых складов, но наибольшей тяжестью легла на сердце продажа дома на Меняльной улице. Здесь он родился и вырос. На плитах перед этим домом он играл мальчишкой. В этом доме он потерял невинность с наложницей отца, которую потом продали в Синоп…

Э-хей! Жернов вертится волом, а весло корабля – руками человека. Рано отчаиваться в 25 лет. Ни за что на свете Агафокл не расстался бы с последним кораблем ради старого дома. Продав корабль, он рано или поздно потерял бы дом и все остальное. Скорее рано, чем поздно. Ругаясь со стоиками в Книде не очень-то разбогатеешь. Корабль – счастье купца и его удача. Если богам будет угодно, он, Агафокл-младший, за один год сумеет удвоить, а то и утроить свое достояние. Через год он купит себе новый корабль, быстроходный, построенный на фокейский манер, а через пять лет, если удача

от него не отвернется, он полностью вернет себе потерянное. Жизнь длинна, и старость придет нескоро. И еще – у него есть Счастливая звезда.

Для первого рейса из Книда нет лучшего времени года, чем последняя четверть зимы, и лучшей гавани, чем Сиде, несмотря на ее киликийскую родословную. Каков бы ни был товар, его можно продать не в убыток, а кроме того, Агафокл уже был здесь и знал перекочевавшую сюда делосскую присказку, которой в порту встречают судно: «Купец, разгружай корабль, твой товар уже продан!»

Так и вышло. Продав с фантастической быстротой груз вина, Агафокл по совету кормчего Эвдама закупил, помимо масла и тканей, три десятка тщательно отобранных колхидских рабов и, не польстившись на рынки Кипра, с выгодой сбыл товар в Александрии. Здесь он, опять-таки по совету многоопытного Эвдама, принял на борт шесть десятков черных нубийцев, немыслимо дорогих, но еще выше ценимых в Путеолах. Корабль мог бы вместить вдвое больше, учитывая и съестные припасы для месячного плавания. Хотелось взять египетских благовоний и финикийского пурпура, но скудные средства были исчерпаны, и Агафоклу оставалось лишь примириться с неполной выгодой. Матросы выражали недовольство: их деньги растаяли в александрийских кабаках в первую же ночь, а Агафокл задерживал жалованье.

Три дня отдыхали – ждали погоды, поплевывая в сторону Фароса. Агафокл ходил смотреть на громадный корабль,

пришедший из Остии за зерном. Палуба его была длиною в двести считаных локтей, а четыре мачты несли столько парусов, что хватило бы на небольшую флотилию. У него, Агафокла, тоже будет такой корабль. Не сейчас, конечно… Но уже в эту навигацию он вернется сюда снова и на этот раз возьмет полный груз.

Удача переменчива, как ветер по весне. На шестой день благополучного плаванья из-за скалистого островка, названия которого Агафокл так никогда и не узнал, хищно выскользнула узкая пентеконтера и, вспенив волны двадцатью пятью веслами каждого борта, ходко пошла на сближение. Первым упал Эвдам – стрела попала ему в горло. Лишившись кормчего, корабль беспомощно повернулся лагом к волне и заполоскал парусом. По заброшенным на борт веслам заскользили киликийцы. Бой кончился едва начавшись: пираты изрубили сопротивлявшихся быстро и без большой суеты. Агафокл догадался вовремя бросить меч.

Еще не осознав всей глубины несчастья, он услышал названную предводителем пиратов сумму выкупа за себя. О корабле и грузе речь не шла. Заплетающимся языком Агафокл поклялся, что заплатит все до драхмы. Один из матросов тут же предал его, заявив, что в родимом Книде, где каждая собака знает Агафокла за бездельника и пустозвона, отныне не имеющего за душой ни гроша, никто не даст ему взаймы больше, чем стоит он сам, а стоит он, Зевс свидетель, немного. Предводитель пиратов, человек деловой и немногослов-

ный, усмехнулся в бороду, и таким образом судьба Агафокла была решена. Агафокл пытался спорить и даже кинулся на предателя-матроса с кулаками, что закономерно кончилось для него поркой и протаскиванием под килем его собственного судна. Вовремя натянувшаяся веревка вздернула его на палубу – судорожно кашляющего, но живого и покорного. Киликийские андраподисты – делатели рабов – в совершенстве владели педагогическими приемами и дело свое знали туго. Удостоверившись в характере груза, пираты добавили Агафокла и матросов к шестидесяти мающимся в трюме нубийцам, для которых с переменой хозяев в сущности ничего не изменилось, если не считать мимолетного развлечения, впрочем, довольно поучительного. Разве что воздух в утробе корабля сделался еще хуже, чем был.

Сидя в вонючем трюме, Агафокл думал о Счастливой звезде. На сей раз искушение было отчаянным. Андраподисты, конечно, продадут его, и скорее всего в Сиде… Боги! Звезда может выполнить одну просьбу. Он отнимет ее у своих детей и внуков, но разве избавление от рабства – не достойная цена за это? Да и какие дети и внуки в рабстве? Не нужно их совсем.

Он думал сутки, вторые. На третьи, когда он уже почти совсем решился навсегда уничтожить пиратство, смирившись с издержками в виде увеличения цен на рабов, что-то гулко ударило в борт и по палубе грохнуло так, что нубийцы завыли, а матросы и Агафокл начали прислушиваться с воз-

растающим интересом. Небольшое время спустя в палубном настиле отвалился квадратный люк и просунувшаяся в него потная голова в римской каске осведомилась на ломаном койне: «Эй, какой отброс тут ехать?»

Убитых и раненых киликийцев кидали за борт. Предводителя пиратов и кормчего сохранили для показательного распятия на ближайшем населенном берегу. Андраподистам исключительно не повезло: в лапы римской облавы, жидкой цепью растянувшейся по всему восточному Средиземноморью, попадали лишь те, от кого окончательно отвернулась удача. Но дело свое римляне разумели не хуже андраподистов.

Кентурион, которому Агафокл заявил о своих правах на свободу и имущество, не дослушав, со смехом ответствовал, что вряд ли стоит переделывать то, что уже хорошо сделано. Краткий, но бурный диспут о правах повел лишь к тому, что строптивого раба снова протащили под килем и полузахлебнувшегося бросили в трюм. Наварх римской либурны, взявшей на абордаж пентеконтеру и заодно корабль Агафокла, не был расположен за здорово живешь уменьшать свое достояние ради какого-то вылезшего из трюма чучела, вдобавок грека.

Вместо Сиде его продали в Путеолах, заодно с матросами и нубийцами. Так он попал на виллу Квинта Пупия Руфа.

Чем завершилось его служба Пупию, мы с вами, читатель, уже знаем.

Весло было тяжелое, сырого невыдержанного дерева, со свинцом, залитым в рукоять, явно и грубо сработанное наспех, как и скамья, на которой сидел Агафокл, и как вся трирема, где он стал гребцом-таламитом нижнего весельного ряда. В первый же час гребли он в кровь изодрал ладони о неошкуренную рукоять. Поднимаясь при замахе и с силой, как учили, бросая себя на скамью при каждом гребке, он к концу первого дня набил себе на заду саднящие мозоли. Обычных в таких случаях подушек, подкладываемых на скамью, преступникам не полагалось. Агафокл заметил, что многие гребцы сняли с себя лохмотья и обмотали ими скамьи. Он без колебаний последовал их примеру.

Богато позолоченная снаружи, внутри трирема была гноищем. Сто семьдесят голых гребцов – шестьдесят два транита верхнего ряда, пятьдесят четыре зевгита среднего ряда и столько же таламитов – дышали миазмами разлагающихся нечистот: коротких цепей, воедино связывающих прикованных преступников с веслами, не снимали и ночью. Пища была сносная. Приговоренные воры, убийцы, насильники, святотатцы, мрачные иудеи, задержавшиеся в Риме дольше, чем требовал эдикт о выселении, разношерстный сброд, подонки из подонков римского плебса гадили нисколько не меньше, чем добропорядочные граждане. Иногда, особенно на ходу триремы, через дыру весельной скалмы пробирался ветерок, приносящий облегчение. Пахло водой, но не морем.

– Эй, грек! – Вертлявый вор из Остии, сидящий позади Агафокла, дотянувшись, пнул его ногой в спину. – Видал? Кожу, разрази их, пожалели. – Он обвел рукой весельные дыры, отстоящие всего на локоть от воды. – Черпнем разок – и готово. Я такое уже видел. Рыбам на корм.

Агафокл даже не огрызнулся в ответ на пинок. Он сам был сейчас как рыба и дышал с трудом, а спина, казалось, готова была переломиться. Который день тирему гоняли по всему Фукинскому озеру, заставляя приговоренных к смерти вертеть веслами в такт писклявой флейте авлета, по команде разом табанить или менять направление гребли. Провинившихся наказывали плетьми тут же. Нескольких немощных и неспособных увели в первый же день, дав замену. Никто им не позавидовал.

Кожаных манжет в весельных дырах и вправду не было. Эхе… Дурак он, этот остиец. Дай ему волю, он и щели в боевом настиле законопатит, будет сидеть, как в выгребной яме. Как любой купец, Агафокл ненавидел воров цепкой неистребимой ненавистью. Но этот был ничего: болтун, правда, пустомеля, зато как расскажет анекдот, так даже иудеи ржут, за животы держатся. Гортатор, пиявка римская, плетью работать перестает. Трусоват вор, это верно, ну так кому же охота помирать? И у него нет Счастливой звезды…

– Слышь, грек? Я что говорю: транитов, пожалуй, раскуют, они для боя понадобятся. А нам с тобой тонуть. – Поскольку Агафокл не отвечал, остиец решил сменить аудито-

рию: – Эй, друид! Тебе говорю. Грек, толкни его! Что там будущее врет: потонем мы или нет?

Гребец, чья исполосованная спина маячила у Агафокла перед глазами, медленно обернулся. Это был седой старик, но еще крепкий и работавший веслом наравне со всеми. На свободе такой протянул бы лет до ста. Он и вправду был жрецом-друидом и однажды – сдуру, не иначе – обмолвился, что может видеть будущее мира. Рассказывал удивительные вещи. Будто бы повозки будут двигаться без лошадей, а корабли научатся летать, и все в таком роде. Какие-де государства исчезнут, а какие появятся. Когда же вор задал ему естественный вопрос о том, чем закончится данная конкретная навмахия для данной конкретной триремы, друид с глубочайшим презрением заявил, что мелкие подробности ближайшего будущего могут занимать только глупцов, и со стариком все стало ясно. С тех пор остиец регулярно развлекал осужденных приставаниями к друиду с одним и тем же вопросом. Соседи Агафоклу достались неплохие.

Где-то на носу триремы свистела плеть и кто-то выл – боцман-гортатор (дебелый римлянин всаднического сословия, попавший под закон об оскорблении величия) истово исполнял свои обязанности. В последние дни плеть ходила по спинам от случая к случаю: у новоявленных гребцов начинало получаться.

– Так как, друид? Потонем, нет?

– А ты спроси у него, – вдруг спокойно ответил старик,

кивком указав на Агафокла. – Он знает.

Агафоклу отчего-то стало не по себе.

По многим признакам можно было догадаться, что день «морского» сражения приближается. Посреди озера выравнивали сплошной ряд плотов, обозначая акваторию для предстоящего боя, на близлежащем холме спешно сколачивали амфитеатр, и в весельную дыру можно было разглядеть, как вблизи берега на мелководье устанавливают громоздкую машину непонятного назначения. Теперь корабли учились ходить строем.

За день до навмахии палубную команду триремы усилили гладиаторами, а гребцам дали роздых. Невесть откуда взявшись, по кораблям пронесся слух, будто оставшиеся в живых будут помилованы особым эдиктом. Настроение гребцов заметно поднялось, а когда остиец вдобавок рассказал анекдот про ливийца в пустыне и закончил его коронным: «Подержи верблюда»[2], – тут уже трирема загрохотала в сто семьдесят глоток. К вечеру пятьдесят боевых кораблей «родосского» и столько же «сицилийского» флотов вытянулись в две нити напротив амфитеатра. В восточной стороне неба, ясно видимая сквозь просмоленный борт, отливала золотом Счастливая звезда. Казалось, она стала даже ярче, чем прежде.

Терпеть, терпеть до последнего предела! По пятьдесят раз

---

[2] Автор, как и читатель, немало удивлен слабой эволюцией анекдотов за два минувших тысячелетия. Что поделать – видимо, человек с тех пор не эволюционировал как вид.

в день Агафокл стискивал зубы, думая о Счастливой звезде. Звезду нужно использовать в самом крайнем случае, на пороге Аида. Он же еще не придумал свое единственное, главное желание, такое, чтобы ничего лучшего уже не придумать за всю жизнь! Агафокл вполне ощущал свое бессилие. Вернуть назад свободу и достояние? Мало, ничтожно… Может быть, следует внушить людям отвращение к войнам и ристалищам? Опять не то: тогда его просто-напросто казнят на столбе как преступника. Дать всем, не разделяя ни царя, ни раба, ни женщины мудрость Гераклита и Антисфена? Или создать идеальное государство, о котором мечтал Платон? И навсегда остаться рабом?!!..

Может быть, истребить без остатка всех римлян?

Кто-то молился на неизвестном языке. Ночью Агафокл слышал шепот наверху: кто-то кого-то подговаривал бежать во время сражения, уговорив или заставив кормчего прорвать носом триремы цепь плотов – пусть потом ловят, всех не выловят… Прикованных гребцов это, естественно, не касалось. Шепот ширился, полз вдоль палубного настила и стих сам собою с рассветом, когда выяснилось, что плоты заняты отрядами гвардейской пехоты и даже конницы. На некоторых возвышались и камнеметы. В обреченной на заклание флотилии лишь глухой или глупый не знал, что дряхлые баллисты на палубах кораблей не способны метнуть камень или дротик дальше одной стадии. Среди палубных воинов-эпибатов, большей части которых предстояло пасть в

бою, не было и лучников: распорядители игр страховались от случайностей.

К концу первой четверти дня все выходящие к озеру склоны холмов были густо усеяны народом. Один за другим корабли медленно-медленно и так тесно, что медный таран одного почти касался рулевого весла другого, проходили перед амфитеатром, и полуголые, в низких шлемах эпибаты на палубах хором выкрикивали обычное приветствие идущих на смерть. Холмы взрывались рукоплесканиями: не каждое поколение римлян добрый кесарь удостаивал зрелища такого размаха.

Агафокл так и не понял, из-за чего произошла заминка – только на кораблях вдруг разом взревели, а гортатор, римский гражданин всаднического сословия, неистово тряся брылями, заорал: «Табань!» – и, вытянув кого-то плетью, побежал наверх. В весельную дыру удалось разглядеть, как в амфитеатре тучный человек с капризными пухлыми губами вдруг задергал половиной лица, сбежал, расталкивая зрителей, с почетного места и, подобрав полы тоги, кривляясь и прихрамывая, принялся бегать вдоль берега, крича на кого-то и потрясая кулаками. Тут уже на корабли никто не смотрел. Хрупкий юноша с надменным лицом, сидящий рядом с опустевшим местом, громко, напоказ, расхохотался.

– Сам, – сказал остиец, сплевывая в весельную дыру. – Серчает что-то. Говорят, дурак, каких свет не видел. А тот молодой – приемыш его, Нероном звать. Может, тот получ-

ше нынешнего будет, как думаешь?

Агафоклу было все равно. А друид почему-то поперхнулся и долго кашлял.

Потерпите еще, читатель. Наше правдивое повествование об Агафокле-младшем из Книда и о его Счастливой звезде подходит к концу.

Историки достоверно сообщают, что кроткий кесарь некоторое время размышлял, не приказать ли расправиться огнем и мечом с висельниками, отчего-то возомнившими, будто им дарят жизнь без сражения. Историки сообщают также, что кроткий кесарь поборол свое раздражение и кротко стерпел отсрочку, необходимую для восстановления порядка на воде. Поскольку историков никак не занимал такой мелкий предмет, как гребец-таламит одной из трирем, мы должны сообщить специально: в ходе восстановления порядка Агафокл не пострадал.

Наконец два флота разошлись по сторонам огражденного загона и выстроились в боевой порядок. Амфитеатр замер. Тритон, морское чудище, поднятое из воды машиной, накачиваемый мехами, хрипло взревел в золоченый буксин.

Навмахия началась.

Для гребца, да еще нижнего, сражение подобно грому без молнии. Взяв с места небывалый разгон, трирема не успела еще набрать полный ход, как свои и чужие корабли смешались в свалке. В трюме отрывисто пищала флейта. Не один

Агафокл – все гребцы работали как сумасшедшие: возможно, от темпа гребли зависела жизнь. Иногда на плечи опускалась плеть. Агафокл не чувствовал боли. Жить! Жить! Скользящий удар в нос корабля, крики, долгий скрежет тарана по сырым доскам… Хайе! Команда «поднять весла» – трирема, пройдя впритирку, обломала кому-то весельный ряд. «Левый борт – вперед, правый – табань!» – разворот. По палубе гулко грохнул камень. «Оба борта – вперед!» Агафокла едва не сбросило со скамьи, когда таранный удар триремы пришелся в борт «сицилийского» корабля. Затрещало дерево. «Оба – назад!» – корабль медленно, будто нехотя, вырвал таран из пробитого борта. С тонущего судна донеслись крики.

Жить! На втором часу боя Агафокл потерял весло. Жалкий обломок по-прежнему торчал в уключине, и Агафокл не пытался его вытащить. Какой смысл для прикованного? Свинец в рукояти и цепи утащат его на дно. Жить! С начала боя гребцы понесли только одну потерю: дротиком, влетевшим в весельную дыру, убило зевгита – растлителя из Геркуланума. Гребцы сидели без дела: трирема сцепилась крючьями с двухрядной либурной, и на боевом настиле рубились эпибаты. Гортатор, римский гражданин всаднического сословия, обильно потея, предпочитал отсиживаться в трюме.

Слыша, как крики сражающихся на палубах мало-помалу смещаются в сторону вражеского корабля, Агафокл думал о том, что, возможно, ему не будет сегодня нужды обращать-

ся к Счастливой звезде с торопливой просьбой. Если боги будут благосклонны, он еще успеет подумать о своем единственном желании, исполнить которое будет под силу только богам. Нужно искать корень. Вот оно что: следует изменить сущность людей. Он должен изменить сущность… Как?

На палубу захваченной либурны был брошен огонь. Пылающий костер удалялся. От воплей гребцов, не имевших никакой надежды на спасение, кровь стыла в жилах.

Писк флейты. Удары, удары… Жить! Под свист плети Агафокл послушно шевелил обломком весла, стараясь попасть в общий ритм. Трирема разворачивалась для новой атаки перед самым амфитеатром – снизу было слышно, как палубные бойцы вопят и звенят оружием, зарабатывая помилование. Зрители отвечали одобрительным гулом. Во вспененной воде возле борта мелькнула голова без шлема, попала под весло и больше не показывалась.

Остановить побоище… Нет, не только. Прекратить насилие, в какой бы форме оно ни проявлялось. Попросить звезду, чтобы люди, все люди Ойкумены перестали убивать и мучить друг друга. Пусть каждый сполна испытает на себе то, что принесет другому: горе и страдание, боль и радость… Точно! Агафокл рассмеялся. Это же так просто, почему он не додумался до этого раньше? В школе при гимнасии он не был прилежным учеником. Наверно, он в самом деле никудышний философ…

…Огромная черная квадрирема, высоко несущая выгну-

тую позолоченную корму, стряхнув с себя остатки «родосского» корабля, разом взмахнула четырьмя рядами весел. Тому, кто видел ее со стороны, не заглядывая внутрь, могло показаться, что ее легкий бег никак не связан с мучениями гребцов, ворочающих громадными веслами под частые удары колотушки в медный диск…

Удар пришелся вскользь, и обшивка устояла, но от мачты на носу квадриремы, качнувшись, отделился «ворон» – абордажный мостик – и с обвальным грохотом рухнул на палубу. Попавший под него гладиатор не успел даже пискнуть. Железный клюв «ворона», застряв в пробитой им насквозь палубе, высунулся над головой Агафокла. Трирема вздрогнула и накренилась. В скалмы нижнего ряда хлынула вода. Гребцы, кто усидел на скамье при ударе, вскочили со своих мест. «А-а-аа-а-а!..» – бесполезно дергая цепь, в ужасе завопил остиец. Весла квадриремы вспенили воду: пренебрегая абордажем, «сицилийская» громадина пятилась назад под градом летящих с триремы дротиков, пытаясь опрокинуть неприятельский корабль. Гортатор, римский гражданин всаднического сословия, тряся салом, с воплями полез из трюма на воздух.

Если бы не вода, потоками вливающаяся в трюм, если бы не вопли обреченных гребцов – явление, в сущности, вполне заурядное, – история человечества могла бы выглядеть иначе. То, чего не смогла добиться плеть надсмотрщика, сделал обыкновенный страх насильственной смерти. Простим че-

ловеку человеческое.

– Утопи ее! – заорал Агафокл, яростно тыча пальцем в сторону квадриремы. – Звезда, утопи ее! Это я, Агафокл!.. Утопи ее, я тебе приказываю! Слышишь меня? Утопи!!!..

Успел ли он осознать глубину совершаемой им ошибки, нам неизвестно.

– Подержи верблюда! – презрительно кривя рот, сказал обернувшийся к Агафоклу старик-друид.

Больше он ничего не сказал.

Десятки тысяч зрителей взревели от восторга, когда прямо напротив амфитеатра громадная квадрирема вдруг начала погружаться на ровном киле, а намертво сцепившаяся с ней трирема перевернулась и затонула быстрее, чем можно прочесть эти строки. И вряд ли кто-нибудь из завороженных зрелищем людей видел, как на востоке вдруг вспыхнула яркая золотая звезда и, распадаясь в полете на куски, начала падать – все ниже, ниже, ниже…

Шаг влево, шаг вправо

Настоящее обременено прошлым и чревато будущим.
Лейбниц

По-видимому, еще долго не утихнут споры: следует ли считать ЭТО живым? Или даже так: следовало ли? Ибо, к счастью, глагол этот можно теперь употребить и в форме прошедшего времени.

Кое-кого огорчает это обстоятельство. Меня – нисколько. В данном вопросе я из большинства. Можете брезгливо назвать меня заскорузлым обывателем, мне все равно. К тому, чем завершился самый странный, беспокойный, бестолковый и нервный год моей жизни, лично я отношусь с глубоким удовлетворением, и точка.

Нет, мы не победили. Вряд ли мы могли бы победить ЭТО, не превратив изрядную часть земной поверхности в зараженную пустыню, – причем без особой гарантии успеха. Нам просто повезло, я так считаю. Нам часто везло на протяжении нашей истории, мы привыкли к везению.

Вряд ли можно победить, если нет войны.

Как всегда, большинство людей не сделали никаких выводов. Более того: постарались забыть. Теперь даже шутить над ЭТИМ стало не модно, и анекдоты, некогда очень мно-

гочисленные, исчезли из эфира, электронных сетей и с газетных полос. Откровенно говоря, среди них не было ни одного удачного, во всяком случае, на мой вкус.

И вот по части этого-то стремления поскорее забыть я расхожусь с большинством, потому что знаю твердо: однажды мы проиграем. Как? когда? почему? – пусть над этим думают головы поумнее моей. С меня довольно и Основного Постулата.

В популярном изложении он очень прост: ОДНАЖДЫ НАМ ОЧЕНЬ КРУПНО НЕ ПОВЕЗЕТ.

Говорят, теперь измышлены теоретические модели, позволяющие обойти Основной Постулат и объяснить появление ЭТОГО чем-то иным. Я не очень-то им верю, может быть, только потому, что моя профессия не терпит легковерных и самоуспокоенных. Но скорее всего по другой причине, связанной, если хотите, с категориями совести и иными столь же трудноуловимыми понятиями. Я говорю о вере.

Вера – она бывает и в худшее. В отличие от надежды. Но вот в чем странность: вера в худшее и надежда вполне уживаются друг с другом и могут спокойно сосуществовать во мне бок о бок.

Поскольку я жив – я надеюсь. А поскольку надеюсь – жив.

Я только недавно это понял.

Пролог

Федор Федорович

Весь день сыпал мелкий дождик, истребляя последние остатки ноздреватых сугробов по северную сторону дома, сочился каплями с мокрого шифера крыши в жестяной желоб и тощей струйкой верещал в железной бочке, подставленной под водосток. Но к ночи распогодилось. Циклон, поверив прогнозу, отполз на восток. И сразу же резко похолодало, как бывает только в начале апреля; лужицы схватились тонким ледком, мокрые черные ветви яблонь закаменели под хрусткой коркой, колючая проволока, натянутая поверх дощатого забора, заиграла блестками в свете уличного фонаря. Федор Федорович проснулся от писка будильника, подошел к окну, с одобрением взглянул на ясное звездное небо, с неодобрением – на фонарь и решил, что проснулся не зря, а сделав такое умозаключение, заторопился. По сегодняшним условиям наблюдений проснуться следовало еще час назад.

Он выключил калорифер, надел на себя теплое шерстяное белье, а поверх него пуховку и такие же пуховые штаны, сунул ноги в валенки с галошами и водрузил на начавшую лысеть голову вязаную шапочку с помпоном. Посетив дачный

туалет ведерной системы, он вернулся в дом, подхватил со стола на веранде термос и коробочку с окулярами, снова вышел на хрусткий ледок и направился к беседке. Та имела довольно странную для непосвященных конструкцию: ее крытая рубероидом крыша могла свободно откатываться в сторону на роликах по уголковым направляющим. Оставалось небо над головой да четыре столба, убрать которые без разрушения беседки не было никакой возможности, и поэтому Федор Федорович с ними мирился.

Из всех видов хобби занятие любительской астрономией – один из самых некомфортных. Федор Федорович зябко поежился, когда пробравшаяся за воротник холодная струйка воздуха достигла тела, и плотнее застегнул пуховку. Сердечко покалывало сильнее обычного, и он подумал о том, что сегодня надо было, пожалуй, залить в термос не кофе, а какао. Но это потом, это успеется…

Три-четыре часа сна перед наблюдениями. И после наблюдений те же три-четыре часа сна, если только с утра не надо ехать на службу. Иначе – меньше. Так примерно каждый третий день, вернее, ночь. В течение тридцати лет. Две трети ночей в году не пригодны для наблюдений по причине непогоды, неспокойствия атмосферы, светлого фона неба в период летнего солнцестояния или просто потому, что дела не отпускают на дачу. А случается, примчишься, поверив прогнозу о безоблачности, и зря. Такой режим сна-бодрствования не нравится организму. И редко какой жене он понра-

вится. Федор Федорович был разведен, жена ушла от него давным-давно, поставив перед выбором: или я, или твой вонючий телескоп, понятно?

Возможно, Федор Федорович, в те годы еще молодой и любивший жену, по глупости сделал бы неправильный выбор, не употреби жена обидный эпитет «вонючий» по отношению к честному и неплохо себя зарекомендовавшему инструменту. Жена ушла, как ее и не было. Ушла и забылась.

Отключив хитроумную самодельную сигнализацию, стерегущую святая святых от воров и вандалов, Федор Федорович снял с телескопа клеенчатый чехол и установил короткофокусный окуляр. Найдя искателем несколько ярких звезд, он достал из ящичка, притороченного к основанию монтировки его «Альтаира», толстую тетрадь, служившую дневником наблюдений, и, подышав на пальцы, при свете карманного фонарика в графе «Погодные условия» записал: «Ясно; ветер слабый», а в графе «Астроклимат по Пиккерингу» сделал пометки: «8 в зените» и «5 вблизи горизонта».

За сосновым леском, далеко слышная в ночной тишине, простучала последняя электричка, пискливо свистнула возле станции. Дачный поселок спал. По-прежнему горел фонарь на столбе, но в целях экономии должен был погаснуть, как всегда, около половины первого, потому что за полночь нормальным людям полагается спать, а нормальным наблюдателям лишний свет только мешает. Ночь была безлунная и благоприятствовала наблюдениям.

Не благоприятствовал им дом, закрывавший собой значительную часть неба (однако где же прикажете спать?), мешали обзору и коттеджи соседей (неизбежное зло), а также забор с колючей проволокой (ну куда же деваться без забора?) и ветви яблонь, особенно вон той, сорта пепин литовский, нахально тянущейся к небу, словно какой-нибудь вздорный березовый хлыст в густолесье, а не порядочное плодовое дерево. Ничего не поделаешь, пора либо спилить лишние ветви, либо надстраивать беседку. Проще, конечно, спилить.

Пока не погас фонарь, Федор Федорович развлекался наблюдениями двойных звезд в созвездиях Льва и Волопаса, после чего отыскал в клонящихся к закату Близнецах уходящую прочь от Солнца комету Миясакавы и визуально оценил ее блеск, отметив некоторую разницу с прогнозируемым. Затем, включив часовой привод, сделал в главном фокусе «Альтаира» два снимка красивой многохвостой спирали M63 в Гончих Псах с выдержками в 25 и 40 минут, о чем оставил подробную запись в дневнике наблюдений, а во время 40-минутной выдержки успел не только сбегать погреться, но даже приготовить, попить и залить в термос какао, а кофе вылить на остаток сугроба. И наконец, установив самый длиннофокусный окуляр, приступил к тому, чем безуспешно занимался всю свою биографию любителя: к поиску комет. До главного астрономического события этой ночи – покрытия диском Ганимеда слабой звездочки в созвездии Козерога оставалось еще почти три часа.

В поиске комет нет ничего особенно сложного. Трудно не искать, а найти. Максимально расширив поле зрения инструмента, наблюдатель «обшаривает» небо в одному ему известном направлении, фиксируя давно известные ему наперечет туманные пятнышки, являющиеся либо галактическими облаками газа, либо далекими галактиками, и надеясь когда-нибудь обнаружить слабое незаконное пятнышко, не значащееся ни в каких каталогах туманностей. Почти наверняка это едва заметное, без всяких признаков хвоста пятнышко и окажется кометой, впрочем, чаще всего тоже давно известной, открытой в прошлом веке, а то и в позапрошлом.

Все дело в этом «почти». Даже имея в своем распоряжении вовсе не светосильный 150-миллиметровый «Альтаир», любитель может рассчитывать на улыбку случая. Не сегодня, так завтра. Через год. Через десять лет. Через тридцать. И тогда, если любитель сумеет первым передать сообщение о своем открытии, комета получит его, любителя, имя. Комета Иванова, например. Федора Федоровича Иванова. Разве плохо? Звучит нисколько не хуже, чем, скажем, комета Кирнса – Кви. Пусть даже комета Иванова – Петрюка – Сидоровича, если безвестные Петрюк и Сидорович сообщат об открытии примерно в то же время. Втуне мечтая о приобретении более подходящего инструмента-кометоискателя, Федор Федорович не терял надежды. В конце концов, повезло же знаменитому Бредфилду открыть одну из своих комет в простой бинокль!

Сегодня чуда опять не произошло. Не мелькнуло в поле зрения неизвестное пятнышко, не сжалось сердце в предчувствии удачи, не заколотилось бешено от восторга. Федор Федорович вздохнул, сменил окуляр, нацелил трубу телескопа на юго-восток и снова включил часовой привод. Медленно приближалась заря. Юпитер уже взошел, висел низко над горизонтом и при максимальном увеличении непотребно кривлялся, выдавая неспокойствие атмосферы. Поморщившись, Федор Федорович уменьшил увеличение с 315 до 190 крат.

Теперь Юпитер выглядел относительно четко. Федор Федорович насчитал пять полос на диске и легко разглядел знаменитое Красное Пятно. По сплюснутому блину планеты темным круглым пятнышком катилась тень Ио – первого и ближайшего из Галилеевых спутников. Европы не было видно. Каллисто находилась справа от диска, более яркий Ганимед – слева. Тусклая звездочка девятой звездной величины висела рядом с крошечным диском спутника, не подозревая о том, что вот-вот подвергнется затмению.

Еще было время выпить глоток какао и как следует подышать на пальцы в нитяных перчатках. Судя по карманному электронному хронометру Федора Федоровича, выставленному по всемирному времени с точностью в одну секунду, до начала события оставалось почти семь минут.

Когда осталось три минуты, Федор Федорович приник глазом к окуляру и положил палец на кнопку хрономет-

ра, намереваясь как можно точнее зафиксировать начало и конец покрытия звезды. Опубликованный в астрономическом журнале прогноз сулил семнадцатисекундную продолжительность явления для пятьдесят пятой северной широты.

И тут сердце Федора Федоровича пропустило такт. Звезда исчезла! Погасла, скрылась, хотя близко подобравшийся диск Ганимеда еще и не думал наезжать на нее своим краем!

Спохватившись, Федор Федорович нажал на кнопку хронометра и почти тотчас же, вздрогнув, нажал снова – тусклая звездочка загорелась вновь.

Скорее! Записать!.. Федор Федорович чуть было не засуетился, о чем впоследствии наверняка вспоминал бы со стыдом, но, опомнившись, сумел взять себя в руки. Тьфу, черт, забыл, записывать показания хронометра не надо, там же регистр на сто фиксаций времени… Значит, придется только скорректировать время первого нажатия, – ведь опоздал…

Неужели – оно?! Наконец-то. Не комета – но все-таки…

Мысль Федора Федоровича прыгала сумасшедшим зайцем, руки дрожали. Не раскачать бы монтировку инструмента…

Покрытие звезды Ганимедом наступило вовремя. С той разницей, что длилось не семнадцать, а только лишь десять секунд.

Федор Федорович не вбежал – влетел в дом. Как был, в пуховке и в валенках, рухнул на табурет перед компьютером и – о чудо! – с первой попытки вошел в Интернет. Тяжело дыша,

разыскал сайт Ассоциации астрономов-любителей, отстучал сообщение в «почтовый ящик».

Значит, так… Фамилия. Имя. Место наблюдения, условия наблюдения, тип инструмента, диаметр главного зеркала, относительный фокус, увеличение, что там еще полагается… Итак. В 1 час 29 мин 10 с всемирного времени я наблюдал скачкообразное уменьшение блеска звезды такой-то (обозначение, координаты). Явление длилось (коррекция!) около 2 с. Причиной явления полагаю покрытие звезды неизвестным космическим телом, предположительно астероидом слабее 13 зв. вел. Покрытие той же звезды Ганимедом наступило в 1 час 31 мин 46 с и продолжалось 10 с.

Он еще трижды повторил это сообщение: по-русски для журнала «Звездочет» и по-английски для «Sky&Telescope» и сетевого «AstroNet Digest». Более короткие сообщения разослал по телеконференциям. Покончив с письмами, он дрожащими от волнения пальцами запустил последнюю версию программы TURBO SKY, задал параметры поиска и через секунду знал ответ.

Пусто! Мелкие, не наблюдаемые в «Альтаир» спутники Юпитера были ни при чем. Мало того: из четырех с лишним тысяч известных программе астероидов ни один в данный момент не находился ближе полуградуса от заветной точки!

Уф-ф!.. Федор Федорович выключил компьютер и попытался с облегчением привалиться к спинке, однако табурет, недавно заменивший сломанное кресло, этой попытки не по-

нял, в результате чего Федор Федорович едва не оказался на полу. Радости это не убавило, однако нервное возбуждение схлынуло. Посмеиваясь над собой, Федор Федорович пошел в беседку собирать до следующей ночи принадлежности, зачехлять инструмент и водружать на место крышу беседки. Мысли вернулись в спокойное русло. Конечно, это был астероид, что же еще? Только слабый, скорее всего неизвестный и уже совершенно точно незарегистрированный, иначе журналы для астрономов-любителей не преминули бы сообщить о покрытии звезды, указав точное время и географические границы наблюдаемости явления. Новый астероид… Не хухры-мухры, а космическое тело, пусть и маленькое. Этакая глыба нескольких километров в поперечнике, на две секунды заслонившая собой слабую звезду как раз в тот момент, когда к ней подкрадывался Ганимед… Совпадение уникальное, почти невероятное. Но опять-таки все дело в этом «почти»…

Можно быть уверенным, что сотни наблюдателей смотрели сегодня то же явление. Наверняка многие из них заметили двухсекундное исчезновение звездочки. И пришли к тем же выводам. Вероятно, некоторые владельцы более мощных инструментов попытались тут же заснять астероид на самую чувствительную пленку с порядочной выдержкой. Слабая черточка на снимке выдаст гостя с головой.

Но КТО первым сообщил миру о явлении? КТО не побоялся выставить себя смешным, сперва сообщив и лишь затем

проверив? КТО сел за компьютер, даже не скинув валенок? КТО без особой натяжки может считать себя истинным первооткрывателем нового космического тела?

Ну то-то.

Вероятнее всего, имя астероиду по вычислении орбиты и эфемерид даст кто-нибудь другой. Ну и пусть. Разве малая награда – ЗНАТЬ, что открыл его ТЫ?

Взошедшее над забором солнце потихоньку плавило ледышки на колючей проволоке. Федор Федорович спал и улыбался во сне. Он был совершенно счастлив.

Дмитрий Каспийцев по прозвищу Байт

В первый раз, когда электричку только лишь несильно тряхнуло, словно сумасшедшим боковым порывом ветра ураганной силы, Байт не обратил на это внимания. Техника и есть техника, мало ли что бывает. Мало ли отчего вагон может споткнуться на бегу. Дефект пути, или, допустим, что-нибудь отвалилось от днища древнего вагона, например какой-нибудь компрессор, скачущий теперь по шпалам под лязг проносящегося над ним железа и вой бешено вращающихся осей колесных пар. Кое-кто из пассажиров оглянулся, недоуменно покрутил головой – и только.

Зато второй толчок был куда сильнее, и тут уже места сомнениям не осталось: крушение! Кто-то вскрикнул, то ли от неожиданности, то ли от испуга. Сухонький старичок с пу-

стым ягодным лукошком на коленях охнул, вспорхнул над скамейкой и выпал в проход. Басом взвыла старуха с большой бородавкой на носу, на которой симметрично уместились две маленькие бородавочки. За спиной звякнуло стекло о стекло и чья-то луженая глотка исторгла хриплый фальцет: «Сволочь, ты спирт пролил!!!» Пронзительно завизжала толстая тетка, и одновременно с нею с длинным и не менее пронзительным визгом сработали тормоза, притирая к сверкающим ободам колес мгновенно раскалившиеся тормозные колодки.

Байту показалось, что за окном качаются деревья. Но, наверно, это просто-напросто раскачивался вагон, долгую минуту торможения скрипел и лязгал, опасно кренился то в одну сторону, то в другую, словно придирчиво выбирал, где ему удобнее всего кувырком покатиться с насыпи. Но так и не выбрал, остановился, надорвав душу финалом тормозной симфонии. Замер.

И почему-то продолжал раскачиваться. Упрямо. Всем назло. Хочу, мол, качаться и буду.

Грязное, не вчера и не месяц назад мытое вагонное стекло провинциальной электрички отражало изумленное лицо Байта, лицо запоминающееся и породистое, несколько даже утонченное, как у древнего римлянина периода упадка империи, с врожденным выражением легкой брезгливости в углах рта. Но Байту не было дела до своего отражения, он смотрел сквозь него.

Деревья-то и вправду качались!

И, что уже совсем не понравилось Байту, метрах в пяти от окна мерно и грозно раскачивалась тяжелая решетчатая опора контактной сети, дрожали туго натянутые тросы, и откуда-то сверху, наверно, с контактного провода, колотящегося о токосъемник, с негромким злым шкворчанием сыпались искры. Сейчас как шарахнет тремя киловольтами – мало никому не покажется.

На всякий случай Байт отодвинулся от окна и подобрал ноги.

Землетрясение?! Оно и есть, родимое. Баллов пять-шесть по Меркалли. Или по этому, как его… Рихтеру?.. Блин, в наших-то несейсмических краях! На ровном-преровном перегоне Бологое – Окуловка!

Ахи, охи, всполохи-взвизги, растерянный мат. Пассажиры повскакивали с мест. В дальнем конце вагона заплакал ребенок. Толстая тетка, не забыв подхватить сумки, с воплем, похожим на пожарную сирену, первой рванулась по проходу к тамбуру. Ее настигли, пихали в спину. Шевелись! Старичок с ягодным лукошком порскнул из-под ног человеческой лавины, выгадал два прыжка, судорожно задергал сдвижную остекленную дверь. Берегись, дед, раздавят! Стопчут и пройдут по тебе и твоему лукошку. Ты ведь за ягодами ехал, дед, а не за увечьями, так сиди! Оставаться в вагоне намного безопаснее. Еще есть секунда ускользнуть вбок, зачем тебе в тамбур? Ребра переломают в давке и кишки выпустят. Зачем

тебе на волю, где сейчас начнут падать столбы и вот-вот порвется контактная сеть?

Готово – порвалась. Хлестнуло. Короткий фейерверк искр на мокрой от росы щебеночной отсыпке – пшикнуло и погасло. Наверное, на замыкание сработала какая-то автоматика, а может, напряжение вырубили и вручную. Разницы, в сущности, никакой.

Байт не уловил момента, когда вагон перестал раскачиваться. В битком набитом тамбуре вопили и хрипели, пытаясь силой разодрать обрезиненные створки. Придавленной змеюкой зашипел воздух, двери раскрылись сами. Зря пробившийся вперед плюгавый мужичонка выпал нырком, но ничего, вскочил, ищет укатившуюся вниз по насыпи кепку. Жив-здоров. Главное, не орет и не скачет трахнутым козлом по причине шагового напряжения.

Байт обнаружил, что подбородок у него мокрый: во время второго толчка зажатая в руке зеленая банка плебейской «Баварии» изловчилась и плюнула-таки пивом. Хорошо, что не в глаз, а еще лучше, что не на штаны около ширинки – не объяснять же встречным-поперечным, что произошло совсем не то, о чем они подумали!

– Гады, – сказал он не очень уверенно, вытирая подбородок ладонью. – Давить уродов.

О том, кого в данном случае следует считать уродами, ответственными за происшествие, он не стал ни распространяться, ни думать. Формула неодобрения пакостному по-

ступку природы была произнесена, а разговор с Фосгеном, погнавшим его в эту командировку, был еще впереди. Хотя с Фосгена все как с гуся вода.

Байт снял с крючка сумку, повесил на плечо и тоже двинулся на выход. Тамбур уже очистился, тремя ступеньками ниже галдящая толпа, топча рыжий щебень, вытягивалась в нитку по верху насыпи. Бросилось в глаза обилие людей с корзинками, лукошками и целыми наспинными коробами на лямках. То ли грибники, то ли ягодники, устремившиеся за добычей на краешек Валдая. Ягодников, наверное, больше. Места здесь, говорят, знатные. Вроде бы для клюквы еще рано, значит, ехали за брусникой, в середине августа в самый раз.

Приехали…

Первым делом Байт взглянул вправо-влево вдоль состава и убедился, что все вагоны остались на рельсах. Уже ладненько. Значит, никаких изувеченных. А вот без контактного провода электричка не поедет, не дизель. Будет стоять тут, покуда из Бологого не пригонят ремонтную бригаду. Да и везде ли в порядке путь, все эти рельсы-костыли-шпалы?

Блин, обидно! И проехать-то осталось всего километров десять, не больше.

Между прочим, не исключен и третий толчок! И торчать возле вагонов под накренившейся решетчатой опорой контактной сети вовсе не обязательно.

Сделав такое умозаключение, Байт бочком-бочком спу-

стился с насыпи. Лучше быть первым на шоссе и взять попутную тачку раньше, чем туда набежит толпа конкурентов.

Напрямик в лес он не сунулся, решив, что не выжил еще из ума, чтобы тропить пути сквозь чащи и буреломы. Низом насыпи шла тропинка, по ней Байт и двинулся, намереваясь свернуть при первой возможности. По идее, новой автотрассе Москва – Петербург полагалось проходить справа примерно в километре, максимум в полутора. Не столь уж большое расстояние, чтобы проклясть все на свете. И уж коли заехал так далеко, пожалуй, нет смысла возвращаться в Москву несолоно хлебавши. Ведь почти доехал! Как там эта деревня называется – Языково, что ли? Байт вынул из кармана шпаргалку. Точно, Языково. А хорошо бы поймать тачку прямо до места, чтобы не ловить второй раз в Угловке. Пусть только попробует Фосген не оплатить! Не сумеет провести через бухгалтерию – пусть платит из своего кармана.

В командировку ему не хотелось ехать с самого начала. И зачем соглашался? Чего ради он, Дмитрий Каспийцев по прозвищу Байт, давно уже не мальчишка как по возрасту, так и по социальному статусу, сотрудник и соучредитель маленькой, но крепкой торговой фирмы, должен топать пешком вдоль насыпи на черт-те каком километре от Москвы? Фосген бы брюзжал? Ну и пусть.

В редакции журнала «UFO-press» Байт работал не за деньги, которых платили мало, да и те задерживали по два месяца, а почти что за голый интерес и сотрудничеством с жур-

налом дорожил, находя в нем некую отдушину. Надоело бы – бросил. В его обязанности входило лазать по сетям в поисках бреда, обычно подаваемого как наблюдения НЛО очевидцами, а то и контакты разных бедолаг с гуманоидами всевозможных расцветок и типоразмеров, но неизменно страховидными. Попадались мутные фотографии, иногда – заметки зарубежных уфологов и информация о клубах, встречах и конгрессах любителей странного. Тем журнал и жил, также публикуя письма читателей, обзорные статьи Фосгена (под псевдонимами Б.Одров и У.Бивцев) и самого Байта. Иной раз, если оставалось место, печатал и фантастику. В последнее время половину всего «сырья» для журнала вылавливал и выдавал на-гора Байт. Случалось, мобилизованный Фосгеном на ликвидацию прорыва, он превращался в верстальщика, второго редактора, фильтровал самотек, а то и читательские письма, приходящие на адрес журнала обычной почтой.

Не далее как вчера, вымирая от московской августовской жары, Байт сидел в редакции, ловил кожей горячий ветерок из окна, выходящего, к счастью, на север, наблюдал одним глазом за шаманскими манипуляциями мастера, вызванного чинить сломанный кондиционер, читал очередное письмо, тихо ржал и вообще находился в состоянии скорее благодушном и расслабленном, нежели стойком, никак не думая, что сейчас его возьмут в оборот. За соседним столом корректорша Людочка, недавно уличенная в написании «эпизоотические» вместо «эпизодические», скучно мусолила «Сло-

варь трудностей русского языка», пытаясь выяснить, как пишется: витать в эмпиреях – или в империях? Своей комнаты у Байта, конечно, не было по той причине, что вся редакция помещалась в одной большой кубатуре, а вторую, малую, главный редактор оборудовал себе под кабинет. Между комнатами крейсировал замглавред Вазген Ашотович, иначе – Фосген.

– Привет, старик, – скороговоркой начал он с порога. – Тут у меня для тебя есть кое-что.

– Пиво холодное? – спросил Байт без особой надежды.

– На пиво еще не заработал. На, держи пока это.

С этими словами на стол перед Байтом шлепнулась мятая газета. Видно было, что ее, бедолагу, и в трубочку сворачивали, и за поясом носили, прижав к потному брюху, и многим другим испытаниям подвергалась терпеливая бумага, разве что арбуз на ней пока еще не резали. Впрочем, не факт.

– Ты лучше вот что почитай. – Байт, ухмыляясь, протянул Фосгену письмо. – Гуманоид на сеновале напал на доярку. Что думает наука: прерывать ей беременность или нет?

– Так и пишет? – Фосген даже не улыбнулся. – Бывает, старик. Ты у нас недавно работаешь, не привык еще. Хуже всего, когда мессия какой-нибудь потусторонний объявится, жизни не даст. А письмишко сохрани, пригодится. Не сам сочинил?

– Клянусь, – уверил Байт. – А на кой? Для ноябрьского номера писем хватает.

– Ну и настрочи потом какой-нибудь ответ редакции, пойдет в декабрьский номер. Да ты заметку-то прочти. На последней странице.

Пришлось побороть брезгливость и прочесть. Мятая газетенка именовалась «Валдайские ведомости». Совсем короткий текст заметки был помещен ниже спортивных новостей и чуть выше объявлений и некрологов, а в придачу к нему имелась нечеткая темная фотография, плавно переходящая в жирное пятно с прилипшей к нему рыбьей чешуйкой.

– Вазген Ашотович! – встряла в паузу Людочка, подняв глаза от «Словаря трудностей». – Как правильно пишется: гранд-дама или грамм-дама? В словаре этого нет.

Фосген молча втянул ноздрями воздух и смолчал.

– Грамм-дама – это Дюймовочка, – объявил Байт. – По весовой категории.

– А гранд-дама?

– А гранд-дама – жена испанского гранда.

Фосген прошипел что-то нечленораздельное. Людочка уткнулась в словарь.

– Ну и что? – дочитав заметку, пожал плечами Байт, ожидая разъяснений.

– Как это – что? Мы журнал или где?

Байт хотел съехидничать, но раздумал. С главным, пожалуй, можно было бы позволить себе, а с Фосгеном – нет. В летающие тарелочки он, как человек здравомыслящий, конечно, не верит и не требует этого от других, но работа есть

работа.

– Ну, журнал. И что дальше?

– Тираж падает, вот что. Съезди туда, старик. Командировку оплатим.

Байт кисло посмотрел на Фосгена. Ему очень не хотелось никуда ехать. Да еще тратить на это выходные.

– Зачем еще?

– А что, не надо оплачивать?

– Этого я не сказал! – Байт оживился. – Оплатить, положим, можно. А ехать-то зачем?

– Посмотришь, сделаешь пару снимков, то-се, с очевидцами поговоришь. Очерк собственного корреспондента, понял? – Фосген, как всегда, тараторил. – Ты, старичок, перспективы не видишь. Доколе нам перепечатывать чужое? Съездишь ты, и «рыбу» напишешь ты, а разверну в очерк, так и быть, я. Еще в октябрьский номер запихнуть успеем, я пока придержу место. Ну как?

Байт брезгливо ткнул пальцем в газетный снимок, вытер кончик пальца о шорты, придирчиво осмотрел его и вытер снова.

– Это что – артефакт?

– Вот на месте и разберешься.

Байт скорчил гримасу.

– Допустим, тут действительно дом разрезанный. А где летающая посуда?

– Где, где… Тебе в рифму ответить или как? – фыркнул

Фосген. – НЛО атакует, понял? Само собой, заголовок пойдет со знаком вопроса. Решай: едешь или нет?

Уже пять минут спустя Байт пожалел о том, что дал себя уломать. Чувство досады крепло весь остаток дня и достигло апогея, когда выяснилось, что единственный поезд, останавливающийся в пресловутой Угловке, ходит только по четным числам (сегодня было нечетное), а на остальные поезда имеются только плацкартные боковые. Еще, правда, касса предлагала билеты в вагоны СВ, однако реалист Байт ни на минуту не позволил себе вообразить, будто Фосген согласится выложить такую сумму. От мысли оплатить СВ самому Байт отказался, сочтя это извращением.

Значит, плацкартные. Против судьбы не попрешь. Значит, боковые. До Бологого. А там – как получится.

Часа три он проспал, поджав ноги и боясь выпасть в проход, ибо боковые полки, как известно, спроектированы для редко встречающихся на российских просторах пигмеев; в Бологом же выяснил расписание электричек. В наличии имелось три часа мучительно тянущегося времени, два сорта теплого пива в пяти круглосуточных киосках и душная, почти не освежающая ночь.

И похоже, это было только началом злоключений. Теперь же не верящий ни в какую чертовщину Байт уже всерьез подумал о том, что, наверное, кто-то очень не хочет, чтобы собкор «UFO-press» прибыл по назначению, и потому этот кто-то, не преуспев в мелких пакостях, пустил в дело главный

калибр.

Землетрясение…

Достигнув головного вагона, Байт остановился, помотал головой и полез в сумку за пивом. Посмотреть было на что, а посмотрев – содрогнуться. Метрах в десяти перед носом электрички насыпь разодрало трещиной метровой ширины, и над провалом, словно указующая десница, повис, все еще покачиваясь, лопнувший и загнувшийся к небу рельс. Шуршал, осыпаясь, щебень.

– Блин, – потрясенно сказал Байт. – Приехали.

Он проследил взглядом трещину – змеясь и постепенно сужаясь, она уходила в лес, где и пряталась в зарослях лопуха, дягиля и сныти. Одно дерево, оказавшееся точно на пути трещины, было разорвано вдоль, от корней до середины ствола.

– Блин…

Будет что рассказать друзьям в сауне… Да только не поверят на слово, уроды. Если, конечно, Москву не тряхнуло с той же силой, что, кстати, вполне вероятно.

До тропинки через лес пришлось изрядно протопать вдоль полотна, зато автотрасса оказалась даже ближе, чем ожидал Байт. И первый же шоферюга, узрев поднятую руку, притормозил гигантский панелевоз и без всяких условий коротко буркнул: «Садись!» Судьба неуклюже извинялась за мелкие пакости и главный калибр.

– Сколько? – вопросил Байт.

– Чего сколько?

– Денег.

– До поворота на Языково сколько не жалко. По пути. А если желаешь до самой деревни, тогда сверх того еще двадцатку. Годится?

Байт кивнул. Панелевоз завибрировал, набирая скорость.

– А землетрясение-то, а? – спросил Байт, доставая из сумки и вскрывая предпоследнюю банку пива. – Асфальт нигде не поломало? Я вон там хар-рошую трещину видел.

– Не понял, – сказал водитель. – Ты о чем?

– О землетрясении. На железной дороге пути порвало. Только не надо мне говорить, что тут ни одного столба на трассу не упало!

– Ты че, парень, перегрелся? – спросил водитель, подозрительно покосившись на Байта. – Какое землетрясение?

От неожиданности Байт поперхнулся пивом.

– То есть? Как – какое? Трясучее.

Не отрывая взгляда от дороги, водитель выразил лицом сильнейшее недоверие. Затем хмыкнул и поинтересовался:

– А ты, часом, не наркоман?

– Нет.

– Тогда свою бабушку разыгрывай, парень, а меня не купишь. Я таких шутников сразу вижу. Выдумал: землетрясение! Скажи еще: Тунгусский метеорит… Ха!

– Не понял, – заморгал Байт. – Было, говорю, землетрясение. Кто кого разыгрывает?

– Уж я знаю, кто кого, – отрезал шофер.

Байт замолчал в изумлении и стал смотреть на трассу. Странное дело: дорожное покрытие было в порядке, и телеграфные столбы по краям шоссе и вправду стояли по большей части прямо, а не вкривь.

Блин…

Часть I
Предвестники
август – октябрь

Глава 1

Внутренний телефон, подлый аппарат, который не отключишь, как городской, звякнул в десять пятнадцать, как раз в ту минуту, когда его трезвон был наименее желателен. Поэтому я дал ему сделать три гудка, посылая мысленно проклятия Александру Беллу, а заодно и Томасу Эдисону, договорил фразу и только потом снял трубку:

– Капитан Рыльский слушает.

– Зайдите ко мне. – Вдаваться в подробности полковник Максютов не стал и сразу повесил трубку.

С виду благожелательно, а на самом деле кисло я взглянул на клиента и прочитал на его лице типичную гамму чувств: запоздалое сожаление о своей глупой неосторожности, тоскливую маету, жгучее желание немедленно испариться отсюда и впредь обходить за версту любого штатского, одетого чересчур аккуратно, и малая толика нездорового любопытства. Одним словом, комплекс карася в садке. Скверное это дело – прерывать доверительный разговор с тем, кому пред-

стоит работать на тебя не за жалованье, но делать было нечего. На вызов полковника Максютова подчиненные не идут – мчатся стремглав, диффундируя сквозь стены.

Скинув клиента на руки Саше Скорнякову – пусть он доходчиво объяснит за меня разницу между карасем в садке и карасем на сковородке, – я, лавируя между выставочными диванами, покинул офис, принадлежавший липовой мебельной фирме «Альков-сервис», и через десять минут топтал ковер в кабинете своего начальника. Как обычно, сесть он мне не предложил.

– Берите свою машину и немедленно поезжайте, – сказал он мне, даже не взглянув на папку, которую я предусмотрительно захватил с собой, из чего я сделал вывод, что текущие дела его сейчас занимают мало. Более того, взваливая на меня новое задание и обратив в мою сторону один глаз, вторым он одновременно просматривал на экране монитора нечто, по-видимому, более интересное, нежели один из подчиненных, и часто тюкал негнущимся пальцем в клавишу «Page Down». – Новгородская губерния, деревня Жидобужи, дом без номера, на отшибе. Там проживает Шкрябун Виктор Иванович, подполковник в отставке, наш бывший сотрудник. Кое-что из его личного дела на этой дискетке, возьмите и сбросьте себе на чип, ознакомитесь по пути. Передадите Виктору Ивановичу от меня привет, скажете, что помним о нем. Ваша задача: вступить с подполковником в доверительный контакт и уговорить его передать нам свой

личный архив… – В этот момент я, наверно, не уследил за своим лицом, поскольку полковник набычился, моментально побагровел и рявкнул: – А ну, не таращить глаза – выпадут! Именно архив. Он нам нужен. И желательно получить его с добровольного согласия владельца. Скажите ему, что нам было бы крайне желательно заполучить подполковника Шкрябуна в консультанты по одной разработке, суть которой, не говоря уже о подробностях, до вас, маленького человека, пока не доведена. Это, кстати, правда. Не вздумайте там с ним крутить. Если он проявит хотя бы проблеск интереса и вступит в торг, считайте, что вы справились с заданием. Никаких легенд. В остальном действуйте по ситуации, я полагаюсь на присущую вам находчивость и некоторое… гм… обаяние. – Тут полковник Максютов соизволил обратить в мою сторону оба глаза и последнее слово произнес с сильным сомнением в голосе: – Имейте в виду, подполковник Шкрябун имеет все основания считать себя незаслуженно обиженным нашей конторой. Откажется сотрудничать – ваша вина, ясно?

– Разрешите выполнять? – спросил я, борясь с желанием принять этакую полустроевую позу: каблуки полуботинок сведены, живот втянут, правая рука ищет шов на бедре, на левом плече, скинутый по причине жары, висит белый летний пиджак и тоже каменеет под взглядом начальства. Искоренять в себе армейские атавизмы я не собираюсь: начальству на них начхать.

– Подождите. Заодно заскочите там в райотдел УВД, разберитесь, что к чему. У них какое-то странное дело, возможно, по нашей части. Ознакомьтесь и берите не колеблясь, если действительно странное. Теперь все. Идите.

Как говорится, послали – и я пошел. Туда – не знаю куда. Какие такие проблемы свалились на службу Национальной Безопасности, что непременно требуется помощь отставного подполковника Шкрябуна? Что еще за нонсенс – личный архив?!

Покрыто мраком.

Пожалуй, я не был особенно озадачен. Полковник обожает давать людям ровно столько информации, сколько им, по его мнению, безусловно необходимо, а дальше барахтайся сам как знаешь. Те из молодых сотрудников, кто тонет и верещит о помощи, пополняют собой периферийные управления или тихо уходят в отставку, под присмотр. Тех, кто упрямо барахтается, полковник не то чтобы привечает – просто гребет под себя и терпит их присутствие. Остаются не самые несовестливые – просто цепкие и умные. От рождения, потому что никакой дрессировкой этих параметров до нужной кондиции не довести. Как определить умных? А это те, кто остался. Окончательную шлифовку, как водится, делают коридоры Управления.

Я шел коридором и думал о том, что даже если неведомые мне Жидобужи расположены на краешке Новгородчины и невдалеке от новой скоростной автомагистрали, то и тогда

гнать мне в одну сторону часа четыре. Да столько же обратно. Допустим, час на уламыванье Шкрябуна, час на райотдел УВД – уже десять часов как минимум. А на самом деле, вероятно, гораздо больше. Домой попаду за полночь, как пить дать.

Из припаркованного в переулке автомобиля я позвонил Маше и предупредил, чтобы рано не ждала. Она ответила усталым «да» и после минутного разговора отключилась. Лепета Настьки слышно не было: либо возилась с мягкими игрушками в дальней комнате, либо еще спала. Кредитная карточка, документы, табельное оружие – все было при мне. Талоны на бензин, оплаченные фирмой «Альков-сервис», в бардачке. Можно ехать, а есть желание или нет, кого интересует?

Только ненормальные всю жизнь играют в такие игры. Но ненормальным нравится в них играть, вот в чем загвоздка. И потом, ничего другого они не умеют.

Сунув дискетку в прорезь и убедившись, что данные нормально читаются, а не зашифрованы каким-либо хитроумным способом, я приложил большой палец к папиллярному сенсору зажигания и тронулся – нет, не умом, а только в путь. У Белорусского вокзала, как всегда, была «пробка» с повисшим над нею в летнем безветрии сизым облаком выхлопа, через километр – еще одна, затем еще и еще, так что из города я выбирался не менее полутора часов, а дальше стало легче и кое-где новая трасса действительно оправды-

вала название скоростной. Во всяком случае, дорожные знаки, ограничивающие скорость – не ниже девяноста, – попадались достаточно часто, иногда удавалось подолгу держать и сто двадцать, а трактористов и других подобных им любителей черепашьей езды дорожная полиция гнала взашей.

К моей радости, комп обнаружил на карте искомые Жидобужи примерно там, где мне мечталось, – не чересчур далеко по трассе и не слишком в стороне от нее, всего километрах в двадцати, поворот возле Угловки. Почти что на прямой оси Москва – Петербург, чуточку ближе к последнему.

Стало быть, я официальное лицо. И еду с официальным поручением. Собственно говоря, будь иначе, дождался бы я, пожалуй, информации о Шкрябуне в свою базу!

Я позвонил в Окуловку и еще раз обрадовался: оказывается, гнать туда мне не было никакой нужды, криминалисты и следователь выехали на место происшествия полчаса назад. Дежурный – судя по петушиному голосу, молоденький парнишка – так и сказал: происшествия, а не преступления. Ну, там разберемся… Где? Деревня Языково, что, судя по карте на моем мониторе, всего-навсего в десятке километров от моих Жидобужей. Удачно.

Везет тебе, капитан Рыльский. Как всегда, в мелочах – но везет…

Ну а теперь посмотрим, что у меня есть по подполковнику Шкрябуну. Вернее, послушаем, не отвлекая зрение от дороги, а то как бы не выехал передо мною с проселка ка-

кой-нибудь трактор. Я активировал чип, намертво фиксируя информацию в памяти, выбрал голос номер три – вязковатый, чуть растягивающий слова баритон – и стал слушать.

Итак. Шкрябун Виктор Иванович, 1949 года рождения, подполковник УНБ в отставке. С 1973 года в органах. Поощрения. Участник Якутского золотого дела. В 1976-м попал в группу полковника (позднее генерал-майора) Шерстобитова, работавшую с паранормальными объектами. Проявил себя… ну, это уж как водится. Для чего, интересно, полковник Максютов скинул мне эту словесную труху? Так… В громких делах более не участвовал. Пока ясно только одно: не выскочка и не интриган, спокойно делал скромную карьеру под Шерстобитовым вплоть до ухода последнего в отставку. Начиная с 1985 года уже в звании майора КГБ фактически руководил группой, в которой создал подгруппу, занимающуюся не столько паранормальными людьми, сколько паранормальными явлениями вообще. Подробной информации нет. Гм… когда-то эти исследования были жутко секретными, а вышел – пшик.

Так… «Паранормальную» группу прикрыли в 1991-м, не возродили и впоследствии. Тогдашняя ФСБ не намеревалась ловить чертей при помощи магии и лозоходства, у нее и других проблем было выше крыши, не говоря уже о возможностях бюджета. Под первое крупное сокращение Шкрябун, однако, не попал. Последнее его дело: Чечня, 1995 год. Не исключено, что он там пытался применить свои старые на-

работки, но дело кончилось полным провалом. В конце того же года Виктор Иванович Шкрябун вышел в отставку. В звании подполковника. В возрасте сорока шести лет.

Ну и что, собственно?

* * *

Устрашающих размеров рекламный щит, вбетонированный в обочину подле придорожного кафе, выполненный светящимися красками и к тому же, вероятно, подсвечиваемый ночью ультрафиолетом, не сообщал, а прямо-таки вопил на весь участок шоссе от поворота до поворота:

ВЫБРОСЬТЕ СВОЙ КОМПЬЮТЕР НА ПОМОЙКУ!

CROWN-VL-2100 – ЧИП ДЛЯ ВАС!!!

РЕАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ В БУДУЩЕЕ!

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ * НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ * НОВОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ.

РАСШИРЕННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ * УВЕЛИЧЕННАЯ ПАМЯТЬ * МГНОВЕННОЕ БЫСТРОДЕЙСТВИЕ.

ОТНЫНЕ ВЫ ЗАБУДЕТЕ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ПОЖЕЛАЕТЕ ЗАБЫТЬ!

ВЫ НЕ УВЕРЕНЫ В СЕБЕ? ГИД-ПОДСКАЗЧИК К ВАШИМ УСЛУГАМ!

ДОЛОЙ ПРОБЛЕМЫ С МАТОБЕСПЕЧЕНИЕМ! ПУСТЬ БИЛЛИ КУСАЕТ ЛОКТИ!

ИМПЛАНТАЦИЯ БЕЗОПАСНА И БЕЗБОЛЕЗНЕННА.

СЕРТИФИЦИРОВАНО МИНЗДРАВОМ РОССИИ.
ЗВОНИТЕ НАМ ПРЯМО СЕЙЧАС!

Рябило в глазах, но аляповатая клякса в нижнем углу щита все же приковывала внимание. До верха, значит, не докинули. Если нет сил завалить щит, делай проще: лей в пластиковый пакет краску, завязывай горловину узлом и мечи.

Я отвернулся.

Crown – это корона. Название броское и, пожалуй, не лишенное некоторого ассоциативного смысла: чип, как известно, тоже предназначается для головы, с той разницей, что не надевается на маковку, а имплантируется в клинике под затылочную кость, отчего, между прочим, по проникновении в Россию мгновенно был окрещен подзатыльником. Свидетельствую: точечная трепанация в самом деле сравнительно атравматична и под местным наркозом практически безболезненна. Чтобы разместить в голове капсулу с чипом, весящую не больше рисового зернышка, миллиграмм золотой паутинки да крошечную изотопную батарейку с ресурсом на пять лет, нет нужды сверлить в черепе дыру размером в кулак.

Рекламный щит умалчивал, правда, о необходимости провести в клинике IBM не менее двух недель, оплачиваемых сугубо отдельно. С чипом в голове надо начинать жить заново, под наблюдением специалистов: в первые дни после имплантации пациент совершенно беспомощен. Примерно так же человек, нацепивший на нос перевертывающие изобра-

жение очки, учится ходить и совать ложку с супом в рот, а не в глаз, – пока в один истинно прекрасный день не обнаруживает, что пол все-таки не побелен, а потолок не крыт паркетом. В обоих случаях мозг требует времени на переключение нейронных связей для нового ориентирования, а в реальном ли мире, в информационном ли – все едино.

Времени и упражнений. И платить все-таки нужно. Отнюдь не маленькие деньги: за все про все от двадцати пяти до шестидесяти среднемесячных зарплат россиянина, в зависимости от класса клиники и модели чипа. Однако, согласно статистике, уже каждый сотый россиянин носит в голове чип – это примерно впятеро меньше, чем в США, и втрое меньше, чем в Евросоюзе, зато, как ни странно, много больше, чем в развитых странах Восточной Азии, включая Японию и Корею, – брезгуют они там, что ли?

Вполне возможно. Хотя есть непроверенная информация, будто японцы считают данный путь тупиковым и готовят на свою голову (в буквальном смысле) нечто принципиально иное. Быть может, кто-то и знает, что именно, но не я.

Мне было проще: мой чип – собственность УНБ. Ни денег из моего кармана, ни мыслей о том, надо ли подвергать себя. Что положено, то не обсуждается.

Я смотрел на рекламную надпись и думал о том, что она врет еще минимум дважды: чипы вовсе не привели к отмене компьютеров. Новое качество жизни, если иметь в виду жизнь общественную, – и то спорно. Ну политики перестали

читать по бумажке, ну на приемных испытаниях в университеты и высшие училища экзаменаторы теперь стараются оценить не объем знаний, а способность абитуриента соображать, – вот почти и все. И стареющий мультимиллиардер Билл Гейтс, насколько мне было известно, вовсе не намеревался кусать чьи бы то ни было локти, тем паче свои собственные. Пусть принцип чип-управления мозгом был разработан не в его корпорации, да и не в IBM, а фактически «на коленке» одним русским эмигрантом, одним французом и одним бельгийцем, – ну и что? Громоздкий дредноут «Майкрософта» по-прежнему на плаву, топит опрометчиво подвернувшиеся под форштевень джонки и процветает. С точки зрения рядового чиповладельца, проблем с матобеспечением чипов не существует, это верно, но кто сказал, что не существует самого матобеспечения?..

Не Билл же Гейтс.

– Кошмарно много текста, правда?

Вопрос задала женщина с соседнего столика. Еще сравнительно молодая или успешно молодящаяся – не понять, когда солнце светит прямо в глаза. Одна. Кажется, приехала вон на том спортивном «Ауди». Большой узел светлых волос на затылке, стаканчик колы и салат с воткнутой вилкой на столике. Больше ничего не разглядеть.

– Пожалуй, – согласился я, жмурясь от слепящих бликов.

– Им следовало оставить одну строку, самое большее две, вы не находите? На скорости буквы совершенно сливаются.

– Простите, вы специалист по рекламе? – спросил я.

Она рассмеялась:

– Слава богу, нет. Я социолог. В сущности, меня интересует совсем другое: как изменится наш мир после повсеместной чипизации? Конечно, я не верю в то, что он погибнет, как думают эти ревнители старины, – тут она указала на подпортившее щит пятно краски, – но он изменится. Он уже сейчас меняется. Преступники с чипами, например. Подзатыльник делает ум шире и быстрее, но не глубже, разве нет? А если колодец не углублять, он заплывет илом.

С этим тезисом я спорить не собирался. И вообще не собирался спорить. Оставалось пожать плечами и пробормотать:

– Шире и быстрее – уже кое-что.

– Полная энциклопедия «Британника» в голове, Брокгауз и Ефрон, цитаты из любого классика, подсказки, что когда сказать и как лучше себя вести… – перечислила она, по-моему, собираясь пересесть за мой столик. – Интересно, кому это нужно? Умнее мы не станем, а счастливее и подавно. Превратимся в толпу эрудированных кретинов… Вот в чем вопрос: нужны ли здоровому мозгу протезы?

Вряд ли она набивалась на что-то большее, чем мимолетный разговор. Я не тот предмет. Насчет обаяния полковник Максютов изволил пошутить, мои внешность, костюм и стиль штатно определены: я сер и малозаметен. Не с рождения и не только по роду службы – просто-напросто давно

уже ненавижу выглядеть плейбоем и вешалкой для случайных женщин. Мало им, что ли, вешалок? Вон хотя бы мужественный голубоглазый блондин Саша Скорняков – чем плох? Его работа с женщинами часто дает превосходные результаты.

Если бы не приспичило в туалет – хрена бы я вообще вышел из машины, перекусил бы наскоро с пристыкованного к дверце подноса!

– А вы как думаете? – вяло спросил я.

– Машина ценна ровно настолько, насколько ценен использующий ее человек, – выпалила она заведомую цитату и пояснила много скорее, чем следовало: – Винер.

Понятно…

Неделя или две из клиники. Максимум три, но никак не больше. Иначе она сказала бы: «Это Винер» или хотя бы выдержала паузу. Под узлом светлых волос, под едва зажившей кожей и пробуравленной затылочной костью сидел чип. Просто она еще не научилась как следует им пользоваться. Я помнил по себе: первый месяц после имплантации было трудно – чудовищно трудно! – не выбалтывать напропалую все подсказки, предоставляемые чипом на выбор.

Чипированные женщины обычно предпочитают скрывать свой чип в разговоре с нечипированными мужчинами – те от них панически бегут… Иные чип-красавицы приспосабливаются очень ловко симулировать пустую голову – только не сразу после клиники.

Я безразлично кивнул и отвернулся, прекращая разговор. Пусть дама поищет себе для практики другие тренажеры…

Знакомая придорожная кафешка у заправочной станции на четыреста первом километре – прежний «Вольный ветер», – как видно, поменяла хозяина, называлась теперь «Госснаб» и была снабжена подмигивающей отекшей рожей типичного бюрократа-взяточника, намалеванной на витринном стекле: юмор, мол. Нынче лягать прошлое опять входит в моду. Забыв о случайной собеседнице, я сидел за столиком под полосатым тентом, ел гамбургер, запивал ледяной колой и ломал голову, ради чего начальству позарез понадобился подполковник Шкрябун. И даже, по-видимому, не столько он сам, сколько его архив.

Вообще, что за бред параноика? Какой такой личный архив может быть у подполковника КГБ – ФСБ – УНБ? Оно, конечно, в девяностые годы случались всякие чудеса, но чтобы такое…

Ну допустим. Допустим, он собирал нечто, уже будучи в отставке, пользуясь преимущественно сообщениями открытой печати. Не поощряется, но вполне возможно. Почти наверняка он собирал информацию по своим любимым аномалиям и прочим магиям-фагиям. За полтора десятилетия могло набраться порядочно. Что, спрашивается, могло помешать полковнику Максютову получить эти данные, не прибегая к помощи замшелого отставника и не гоняя меня к нему в качестве бобика? Да ничто!

Кроме, возможно, одного: мой начальник сам толком не знает, какая информация ему нужна, по каким таким критериям ее собирать…

Чудеса в решете, и только.

Почему он погнал меня, а не Сашу Скорнякова? Почему послан я, руководитель маленькой, но самостоятельной группы в отделе, занимающемся борьбой с промышленным шпионажем? Случайно это – или тут имеется некая связь? Думай, голова. Зачем полковнику Максютову вдруг потребовались аномалии и магии-фагии?

Допустим, есть веская причина. А у меня слишком мало информации, чтобы вывести собственное умозаключение. Бобик я в этой истории, и ничего больше. Бобик с чипом в башке. Капитан Рыльский, апорт! Место! Фу, тебе говорят!

Всякая скотина имеет право на информацию, прямо ее касающуюся. Вон кот серый стоит возле кустов, не шелохнется, уши прижал и только хвостом дергает туда-сюда. Что он там в кустах увидел? Наверняка – другого кота. А я не вижу.

Ну ладно. Переживем. И не такое переживали.

Быть с обиженным органами подполковником Шкрябуном паинькой и лапочкой? Хорошо. Буду. Все они, отставные, обижены, даже генералы. Хотя что может быть естественнее отставки после крупного провала? Легко отделался, могло быть хуже. Теперь ему за шестьдесят, живет себе спокойно на природе, копается в огороде, старый пень, по грибы небось ходит. А в свободное время бреет косил-

кой траву перед домиком и находит в этом занятии удовольствие…

Хватит о нем пока. Любопытно знать, что там за дело такое необыкновенное проклюнулось в Языкове? Хотя, по правде, с вероятностью процентов в девяносто можно предположить, что интереса для Нац-беза дело не представляет, провинциальные пинкертоны, как всегда, рады спихнуть на нас все, что не относится к категории легко раскрываемого…

Тоже потом.

«ЧИППИ»!

Забавный мультяшный бурундучок в шляпе с прорезями для ушей, потешно серьезный и немного занудный…

«ЧИППИ, А НЕ ЗАБЫЛ ЛИ Я ЧЕГО?»

Так и есть. Забыл купить дочери шоколадный батончик, она их любит, особенно «сникерсы». Можно по дороге домой, но лучше прямо сейчас. Маша по телефону напомнила: купи, мол, ребенку шоколада. Не Настьке – ребенку… Она всегда так говорит, я сперва бесился, потом привык. Не густо у дочери радостей в жизни, и уж главную радость – съесть шоколадку и перемазаться ею по уши – я у нее не отниму.

Дурное настроение обрушилось на меня как-то вдруг, и тут же заломило в затылке, под череп пролезла тупая боль. Этого еще не хватало! Нет у меня такого обыкновения – страдать от пошлой мигрени.

Запихнув в рот последний озубок гамбургера, я протянул руку к банке с недопитой колой – и промахнулся. Ни с то-

го ни с сего мелко-мелко задрожал пластмассовый столик. Банка хитрым финтом увернулась от моей пятерни и, дребезжа, пустилась в дрейф по столику в направлении примерно на северо-запад. От неожиданности я не сразу повторил попытку схватить беглую жестянку и пару секунд изумленно наблюдал, как она отъезжает к краю стола. Э, стой!.. За тебя заплачено!

Дзень! Кто-то вскочил, кто-то ахнул. Задребезжало и звонко лопнуло «госснабовское» витринное стекло с намалеванной рожей, но устояло в раме, лишь рассеклось надвое кривой трещиной. Каркнула, сорвавшись с дерева, одинокая ворона, закачался полосатый тент, выскочил сквозь вертящуюся дверь хозяин, не то напуганный, не то полный рвения разобраться с негодяями, покусившимися на его собственность, тем дело и кончилось. Да и странно было бы, если бы не кончилось.

Ну что теперь уставился на меня, госснабовец? Прижмурь веки, зенки выпадут. Думаешь, это я? Ну, землетрясеньице. Ты небось его никогда не видел, а оно и у нас пусть редко и слабо, но бывает. Отголосок могучего тектонического катаклизма где-нибудь в Карпатах, у румын, которые сами трясутся и других трясут. Так что не пялься на посетителей, пучеглазый, а смотри по ящику новости, как всякий порядочный обыватель, смакующий число жертв. Я и сам вечером посмотрю. Вернее, ночью.

А вдруг это не толчок, а всего-навсего подземный карсто-

вый обвал под твоим «Госснабом»? Обрадуешься ли ты тому, что несколько сотен или тысяч неведомых тебе румын остались живы-здоровы?

Вряд ли…

Не враг я тебе и не судья. Просто проезжий, ничем особо не примечательный, – ты и внимание-то на меня обратил потому только, что я сижу ближе всех к злополучному стеклу. Стряхнет сейчас проезжий крошки с колен на радость воробьям, сядет в машину, да и поедет дальше по своим делам, обдав выхлопом твою кафешку. А ты останешься, и нет мне до тебя дела. Адью, госснабовец.

Я поднялся из-за столика.

– Еще два гамбургера, «сникерс» и колу. С собой. Упакуйте получше, пожалуйста.

* * *

Таких домов я еще не видел ни разу в жизни. Вернее, таких руин.

– Пострадавшие? – спросил я, наблюдая за манипуляциями уездных криминалистов, по правде сказать, довольно толковыми.

– Пострадавших нет. – Начальник следственной бригады майор Алимов отрицательно качнул головой. – Хозяева отдыхают на Канарах. Муж и жена, без детей. С ними уже связались через турфирму. По-видимому, они не намерены пре-

рывать отдых. Сегодня у них конная прогулка, а завтра восхождение на пик… этот… как его…

– Пик Тейде.

– Точно. – Майор Алимов просветлел лицом. – Это на Тенерифе. Мой зять туда собирается, два года деньги копил…

– И не огорчены? – перебил я.

– Да как сказать…

– Ладно. Кто, кроме них, мог иметь доступ в дом?

– Только приходящая домработница и охранник на долгосрочном контракте. Домработница местная, из деревни, в ее показаниях ничего интересного. Охранник в отпуске. Перед отъездом хозяев дом был заперт и поставлен на сигнализацию. Да вы зря сомневаетесь: людей под обломками нет, проверено служебной собакой. Вон и дверь цела и на запоре, сами видите. А на окнах – решетки. Даже на втором этаже… были.

Уцелевшая дверь действительно была на запоре и выглядела внушительно – ворам-любителям и бомжам, пожалуй, не открыть. Тут понадобилась бы или взрывчатка, или стенобитный таран. Впрочем, тот, кто превратил красивый кирпичный коттедж в самую удивительную из виденных мною когда-либо развалин, заведомо обошелся без тарана.

Дом был рассечен пополам. Наискось, слева направо и сверху вниз, под углом приблизительно сорок пять градусов.

Есть такие детские игрушки для развития координации и пространственного воображения – вроде популярного «Ле-

го», только похитрее: с разнокалиберными косоугольными деталями, стыкующимися друг с другом. Пожалуй, уцелевшая часть дома, косо срезанная от края крытой металлочерепицей крыши почти до фундамента, сильнее всего напоминала именно такую деталь.

Когда-то мы с Марией покупали для Настьки игрушки попроще…

Она с ними не справилась.

Второй части дома не было – вместо нее имелась бесформенная груда кирпича, стекла, стальных прутьев и все той же металлочерепицы. Будь разрез горизонтальным, дом устоял бы. А так… груз с трением съезжает по наклонной плоскости. Задачник по физике, восьмой, кажется, класс. Съезжая – рассыпается строительным мусором.

– Когда это произошло?

– Позавчера ночью. Приблизительно в три часа.

– Какого типа сигнализация?

– Полуактивная, типа «Аргус». Радиосигнал в местное отделение и усыпляющий газ. Срабатывает при попытке проникнуть через входную дверь или окна на первом этаже.

– И не сработала? – полюбопытствовал я.

– Сработала, – недовольно пробубнил Алимов, – когда мы вчера тут копались…

Так. Я с интересом взглянул на своего собеседника.

– Утолите мое любопытство, майор. Почему на осмотр места происшествия вам понадобилось два дня?

Майор недовольно дернул щекой.

– Странное дело, капитан, – счел он уместным напомнить мне разницу в звании. – Полоса неудач, так надо понимать. Представьте: позавчера ломаются обе наши машины, новенькие, между прочим. Пока добрались – стемнело. Начальник опергруппы схлопотал по полной. А вчера микроавтобус с экспертами по дороге сюда на пятидесяти в час влетает в кювет – и колесами кверху. Никто, к счастью, особенно не покалечился, но пока то, пока се…

– Ясно. Кто-нибудь, – я кивнул в сторону деревни, – здесь уже мародерствовал?

– Как ни странно, нет. – Майор Алимов оживился. – Мы сами удивились… то есть удивились, когда приехали в первый раз. Деревня, понятно, переполошилась, но через забор лазал только один человек, местный зоотехник. Клянется, что к дому близко не подходил – забоялся. Хотя, казалось бы, подходи и бери что плохо лежит. Еще, говорят, фотокорреспондент был, он здесь гостит у родственников, но он снимал из-за забора. Ну а со вчерашнего утра мы здесь пост установили. И ночью человек дежурил.

– Меня ждали?

– Да как вам сказать…

– Так и скажите, чего стесняться. Ждали ведь?

– Ждали.

– И рассчитываете, что я заберу у вас это дело?

Майор Алимов не обиделся.

– Почему бы нет? Я не прав?

– Посмотрим…

Участок возле дома был велик – не меньше гектара. За забор попала часть леса на взгорке, пологий склон, этакий живописный травяной лужок, спускающийся к шумящей перекатами чистой речке, и даже ручей, берущий начало где-то в лесу. Приблизившись и приглядевшись, я сделал открытие: ручей, оказывается, протекал под домом, для чего в высоком фундаменте была предусмотрена специальная арка.

Ловко они тут решили проблему канализации. Никаких тебе биотуалетов, наших или импортных… А зимой, когда ручей замерзает, здесь, наверное, и не живут.

– Владелец, он кто – предприниматель?

– Член правления торговой компании. У нас на него не так уж много материала. Можно считать, вполне добропорядочен.

– В тихом омуте…

Вот именно, закончил я про себя. Не потому ли, кстати, он не торопится с Канар домой, чтобы потребовать страховку за разрушенную недвижимость? Но пусть даже по нашим меркам владелец чист аки агнец – все равно за клозет над чистым ручьем надо морду в кровь бить! Жаль, что хозяина нет, а я при исполнении.

Уже состарилось первое поколение хозяев, подросло второе. А разница практически неощутима. Какой, интересно, длины должна быть родословная человека, чтобы он пере-

стал гадить на красоту и чистоту? Пять поколений? Десять? По Савве Морозову, вырождение наступает в третьем…

Перед бесформенной грудой, еще недавно составлявшей полдома, ручей разлился, но не изменил русла, а сумел както просочиться под обвалом. Вода дырочку найдет. Пусть среди битого кирпича, зато в нее не будут гадить. Как это пелось в популярной песенке времен моего детства:

Течет ручей, бежит ручей
Среди стекла и кирпичей…

Примерно так, кажется.

«Лусей», – говорила Настька вместо «ручей» и смело топала ножкой по воде, чтобы сверкающие на солнце брызги взлетали выше головы. И радостно визжала, ей это нравилось. Сколько ей было тогда – три? четыре? Она почти не отличалась от своих сверстниц и отставала в развитии совсем не сильно, но мы с Машей знали задолго до того: это не лечится. Диагноз нашей дочери был поставлен еще в роддоме. Сорок седьмая хромосома – это навсегда.

Она и сейчас скажет: «Лусей». Если, конечно, вспомнит, что это такое.

Бормоча себе под нос «течет лусей, бежит лусей в края лосей и лососей», я обошел вокруг дома. На вид и на ощупь поверхность среза была идеально ровная, едва ли не полированная, с едва заметной шероховатостью, вообще свойствен-

ной кирпичу. Меня поразило именно то, что шероховатость была едва заметна. Кое-где внутри стены явственно виднелись дефекты кладки – вмурованные негодные обломки кирпича, камешки в растворе от плохо просеянного песка, пустоты в швах, а в одном месте я разглядел косой срез окурка, наверняка выплюнутого кем-то в цементное месиво. Строители, как обычно, торопились и халтурили. А может быть, выражали таким образом свое тихое неодобрение «хозяевам жизни». При задержках в денежных расчетах способы выражения неодобрения могли быть и более крутыми: заделать в штукатурку сырое яйцо, вварить в систему водяного отопления стальной лом вместо отрезка трубы, и так далее, и тому подобное…

Стоп. Чем, спрашивается, мог быть сделан такой срез? Движущейся стальной лентой с абразивом? Бред. Лазером? Тоже маловероятно. Импульсные «карманные фонарики», что последнее время медленно и неуверенно входят в употребление спецслужб и мало кому нравятся, способны разве что убить человека с десяти шагов при точном попадании в глаз и несколько более пригодны для того, чтобы метров с пятидесяти поджечь кому-нибудь одежду. А тут, по самым приблизительным прикидкам, потребовался бы лазер на тягаче, связанный кабелем с подвижной электростанцией средней мощности.

Это во-первых. А во-вторых, лазер оплавил бы кирпич в месте разреза до стекловидного состояния, а этого нет. Такое

впечатление, что кто-то полоснул по дому громадной бритвой микронной толщины. Н-да…

Как бы там ни было, дело у Алимова надо забирать. Он будет только счастлив.

«А чей кирпич? А он ничей», – пробормотал я вслух на намертво въевшийся в мозги мотивчик.

– Что?

– Ничего. Майор, вы не поможете мне собрать образцы для науки?

– Мои орлы уже собрали. Пойдемте покажу.

«Орлы» Алимова действительно постарались на совесть. Несколько обломков кирпича с плоскости среза, кусок металлочерепицы, обрубок деревянного бруса с прибитым к нему куском доски (надо думать, из перекрытия второго этажа), кусок пенополиуретановой стенной панели, кусок бетона, отколотый от фундамента, кусок стекла, выпиленный ножовкой металлический пруток (из оконной решетки, как я понимаю), фрагмент какой-то трубы, кусок электропровода, даже срезанная наискось половинка вазы темного хрусталя – все это было аккуратнейшим образом запаяно в прозрачные мешочки, снабженные пояснениями, откуда был взят образец. Если бы разрезало унитаз, то «орлы» и его запаковали бы в полиэтилен. В двух крайних мешочках имелись еловая ветка и несколько слегка подзавядших травинок.

Ай-ай. Где были мои глаза? Капитан Рыльский, ты слепой болван, вот что я скажу тебе по секрету. Хорошо еще, что

знаешь: молчание – золото, иначе осрамиться бы тебе перед майором из заштатного УВД. Почему это ты вообразил себе, что нападение (будем пока называть это так) совершилось с земли? В том-то и дело, что оно произошло с воздуха! Вон из той точки примерно. Неизвестной природы луч, установленный на неизвестном летательном аппарате, чиркает по земле, скашивая травинки, по пути срезает ветку ели, с не меньшей легкостью срезает дом…

Бред сумасшедшего. Во-первых, почему луч с такой бешеной энергетикой не поджег дерево? Он даже не обуглил срез. Во-вторых, кирпичную стену поперек – это я еще понимаю. Но кирпичную стену вдоль?! Вон он, срез, не меньше десяти метров в длину, и все десять метров – кирпич.

– Какова длина разреза по земле? – спросил я Алимова.

– Отсюда почти до забора. Более пятидесяти метров.

Недурно…

– А глубина проникновения в землю?

– Невозможно определить, очень тонкий разрез. Невооруженным глазом практически не прослеживается, взгляните сами.

И то верно.

– Подземные коммуникации не рассекло?

– А они не здесь проходят. – Майор показал рукой. – Электрокабель вон там, а водопроводные трубы правее. Хорошо, хоть вентиль в подвале был перекрыт, иначе затопило бы. На первом этаже холодильник старый разрезало, но фреон

не рванул.

– Местные жители ничего не слышали? Вертолета, например.

– Уже опросили. – Алимов понимающе кивнул. – Один парень не спал и был трезв. Ничего не слышал. Говорит, была очень тихая ночь. И ни с того ни с сего – кирпичный грохот.

– Испугался?

– Не то слово. Я сам удивился: здоровенный такой лоб. Третий день дрожит, водкой питается…

Майор Алимов смотрел на меня выжидательно. Я решил больше его не томить.

– Дело я у вас беру, майор. Похоже, оно действительно не по вашей части. Все материалы у вас с собой, или я ошибаюсь?

– Все здесь. – Алимов не скрывал своего удовлетворения. – Приказать погрузить вам в машину?

– Да, конечно. Распорядитесь.

Он пошел было распоряжаться, но я остановил его:

– У меня еще один вопрос, лично к вам, майор. Что вы сами думаете по поводу происшествия?

– Как следователь?

– Ну разумеется.

– Как следователь, я считаю, что имело место случайное применение космического оружия. Рентгеновский лазер или что-то вроде. Еще повезло, что не чиркнуло по городу.

– А не как следователь? – продолжал допытываться я.

Алимов пожал плечами.

– Как материалист, я в чертовщину не верю, но… Судите сами: большая часть первого этажа цела, открыта – и не разграблена! Население боится. Первый случай такого рода в моей практике. Да я и сам… – Он замялся.

– Продолжайте.

– Ну, словом, мне здесь тоже неуютно, – неохотно пробурчал майор. – Сегодня еще ничего, терплю, а вот позавчера…

– Что позавчера? Между нами.

– Струсил я, вот что! – шепотом прошипел Алимов, буравя меня злым взглядом, и тут же нервно оглянулся: не торчит ли кто за спиной, подслушивая? – Как сопливый пацан струсил, чуть не сбежал! Понятно тебе, капитан? И не один я, между прочим! Ты на моих людей вчера бы посмотрел! Ни черта тебе не понятно, вижу. Хочешь – верь, хочешь – нет, но жуткое тут место, аномальное. Собака вон тоже вчера работать не смогла и вела себя странно.

– Кстати, что она сейчас делает? – спросил я.

– Еще раз исследует развалины. На предмет… ну там, наркотики и все такое. Кажется, чисто.

По кирпичным руинам и в самом деле бродил щуплый парнишка, влекущий за собой толстую, противную на вид немецкую овчарку отнюдь не служебных статей. По-моему, в страдающей одышкой псине было килограммов сто. Слышалось: «Ищи, Ритта! Ищи, сказано! Жрать любишь, а ра-

ботать? Кто у майора чипсы спер? Ищи, зараза, ну!» Толстая собака упиралась, натягивая поводок, злобно косилась на своего работодателя, угрожающе ворчала и ступала по битому кирпичу с величайшей брезгливостью.

– Она и сейчас ведет себя странно, – заметил я.

Алимов поморщился.

– Да нет, она всегда такая. Проводник, зараза, избаловал. Ленивая, наглая и вороватая тварь, себе на уме. Давно бы выбраковать, но нюх – исключительный. Редкого чутья псина.

Я только хмыкнул и отвернулся. А зря.

Парнишка на руинах вдруг истошно завопил: «Стой! Ритта, ко мне! Ко мне, Ритта, кому сказано!» Майор Алимов проворно отпрянул. С неожиданной для такой туши прытью, вывалив на сторону мокрый язык, сипло дыша, собака в три прыжка оказалась возле меня, но, по счастью, грузно пронеслась мимо, тряся складками подкожного жира, – молча, с каким-то застывшим деревянным выражением на морде, какого я никогда прежде не наблюдал у собак, даже служебных. По примятой траве проволокся поводок, вырванный из руки проводника, взвилось отчаянно-петушиное: «Стой, гадина!» – и лоснящаяся жирная тварь по-прежнему без лая, как баскервильская псина, атакующая зловредного сэра Хьюго, пересекла огороженный забором участок, ударила всем телом в калитку, едва не вырвав ее с мясом, и пропала с глаз. Калитка, снабженная пружиной, с треском захлопнулась. Ров-

но через секунду с той стороны забора послышался человеческий вопль.

Алимов скривился, как от зубной боли.

– Пристрелить тупую сволочь, – процедил он, проводив взглядом бедолагу-проводника, опрометью пустившегося вдогонку и также шмыгнувшего за калитку. К кому относились его слова, я решил не выяснять: пусть сам разбирается со своей командой. И с людьми, и с животными. Мое дело – дом. Даже проще: забрать дело, погрузить в багажник образцы для экспертизы – и адью! Вряд ли полковник Максютов именно мне поручит ломать голову над тем, кто, с какой целью и каким таинственным инструментом разрезал кирпичный дом, словно головку пошехонского сыра.

Пожалуй, гипотеза Алимова выглядела разумно, если отбросить в сторону постороннюю чертовщину. Мощное оружие космического базирования, наше или американское, и нечаянный сбой, за который «стрелочникам» повыдергают ноги из задниц, – вот и все. Правда, на глаз не видно следов оплавления, кирпичную стену словно бы рассекли саблей – ну так что же? Глаз инструмент неточный, пусть наши эксперты помудрят над образцами. Что я, в сущности, знаю о новых разработках космического оружия? Почти ничего. Основное пастбище моей группы – оптоэлектроника и отчасти радиотехника…

По ту сторону захлопнувшейся за проводником калитки кто-то орал благим матом, но членораздельно. Не иначе, уку-

шенный. Сейчас начнет качать права.

Так и есть…

– Пойти посмотреть, – сказал Алимов, все еще морщась.

Я не последовал за ним. И он пошел зря. Ровно через три секунды калитка отворилась и показались все трое: укушенный, проводник и уже взятая на поводок псина. И все трое отнюдь не молчали. Укушенный – высокий черноволосый парень в заляпанных грязью шортах и с сумкой через плечо – орал на проводника, тряся обернутой носовым платком рукой. Проводник орал на собаку. Собака же, словно она отроду была немой, а теперь у нее прорезался голос, исходила злобным лаем по адресу парня и бешено рвалась с поводка. Майор Алимов метал молнии из-под бровей.

– Блин! – кричал потерпевший, баюкая укушенную кисть. – Убью! Гады! Съездил в командировочку: сперва землетрясением трясут, потом в грязюке тонешь, потом менты собаками кусают…

– Сам виноват: нечего было подсматривать из-за забора, – грубовато отрезал Алимов.

– Что-о?! – Парень аж подпрыгнул.

Вежливость иногда оказывает удивительное действие на закусивших удила. Я счел полезным вмешаться:

– Успокойтесь, прошу вас. Сейчас окажем вам помощь. Заражения не бойтесь: собака служебная, здоровая. Сочувствую вам. Кстати, вы кто?

– А вы кто?!

– Капитан Рыльский, Нацбез. – Произнеся эти сакраментальные слова, отчего парень стал дышать чаще и злее, я дружелюбно продолжил: – А вас как зовут? Ведь зовут же вас как-нибудь, а?

Брезгливо морщась, парень сунул мне под нос окровавленную кисть.

– Каспийцев. Дмитрий. Скажите, чтобы мне это йодом залили.

Собака наконец замолчала – легла на траву толстым брюхом и выглядела уже вполне дружелюбно: мол, сделала дело – теперь отдыхаю смело. Я не собачий физиономист, но, по-моему, на ее морде отражалось чувство глубокого удовлетворения, а хвост так и вилял вправо-влево. Зато проводник захлюпал носом и вдруг бурно разрыдался.

– Цыц! – багровея, заорал Алимов.

– Майор, пусть кто-нибудь принесет из машины аптечку, – бросил я ему и вновь обратился к укушенному: – Виновные будут наказаны, в этом можете не сомневаться. – Моя жесткая механическая усмешка изобразила, что виновным лучше было не рождаться на свет. На большинство людей этот прием действует великолепно. – Ну а теперь расскажите все по порядку. Что вы сказали насчет землетрясения?..

Глава 2

Остаток пути я проделал без приключений, но дал крю-

ка, не соблазнившись сомнительными прелестями местных проселков. Узкий шоссейный аппендикс, ответвившийся от боковой трассы на Жидобужи, как ни странно, оказался в сносном состоянии. Дом Шкрябуна я вычислил сразу: только один дом и стоял на отшибе, на самом обрыве по-над шумящей речкой. Обыкновенный сельский дом из потемневшего бруса, поставленный в таком месте, где глаз невольно искал увидеть какой-нибудь расписной терем-теремок с балясинами. Высокий обрыв, пенные перекаты на речной петле внизу, а противоположный, не менее высокий берег порос старыми осинами, и некоторые носили на себе следы бобровых погрызов. Вот тебе и экологическая зачуханность средней полосы.

Гудящий шмель покружился возле моей головы, вспугнул греющуюся на заборе волосатую муху и исчез. Пахло сеном. Благолепие и умиротворенность, цветочки-лютики… А главное, никаких потусторонних технологических, если не мистических, чудес: забор как забор, дом как дом. Целый, а не разрезанный.

«ЧИППИ, ТЕСТ».

На самом деле я не произнес ничего подобного, даже про себя. В этом нет необходимости, как велосипедисту нет необходимости помнить, как удержать равновесие. Он просто удерживает его, и все. Достаточно выработать рефлекс – и езда уже не будет страшить перспективой встретить столб или сверзиться в канаву. Чипированные новички поначалу

пугаются все без исключения, и то сказать: с непривычки довольно страшненько «прозванивать» чипом свой собственный, такой дорогой и лелеемый мозг.

Потом все они привыкают, и очень быстро. Стойкая чипобоязнь, в тяжелых случаях доводящая пациента до шизофрении, случается крайне редко и в девяти случаях из десяти по причине неудачно выполненной имплантации.

Это поправимо.

У каждого свои образы, каждый чипоносец сам себе мастер моделирования и по-своему видит свой мозг. Для меня он что-то вроде холодного огненного шара, в который можно без вреда запустить руку и вытащить желаемое: глубинную общую память, целиком и по разделам, поисковое устройство-гид, записную книжку для особо важной или срочной информации, процессор, шнур для перекачки данных с компа и на комп (на самом деле мозг здесь ни при чем: этой цели служат заделанная в кость антенна-волосок и микроваттный приемопередатчик, являющийся частью чипа), ластик, анализатор-подсказчик, часы, компас…

Многие пользуются образом говорящего диснеевского бурундучка, остальные изобретают кто во что горазд. Говорят, есть люди, представляющие себе свой мозг примерно таким, каков он есть в действительности. Бр-р… Вряд ли, однако, таких людей много: кому интересно знать, в каком именно участке серого вещества чип обнаружил и заставил работать бездействующий нейронный клубок? Конечно, есть извра-

щенцы…

На самом деле чип много глупее мозга; он и не помощник мозгу в решении задач, он – кнут, свирепый надсмотрщик, безжалостный погоняла. Фельдфебель для новобранца. В крайнем случае и при исключительно дисциплинированном мозге – регулировщик движения с полосатым жезлом. Не более. Чип слишком прост, чтобы доверить ему что-то более сложное, хотя бы хранение информации. Он не умеет даже считать. Запоминает, и запоминает намертво, навсегда, тоже не чип – мозг.

Какие только дарования не расцветают под палкой…

Если бы я был артиллеристом, мой мозг был бы забит таблицами для стрельбы, если бы адвокатом – всевозможными кодексами, правилами и прецедентами. Это очень удобно. И всегда останется резерв памяти хотя бы для повышения образованности или изучения смежных с основной профессией дисциплин. Теперь так просто стать экспертом в любой области знания…

С тех пор как мне поставили чип, я придумал и использую свой собственный образ резерва общей памяти: песочные часы. Тоненькой струйкой сыплется песочек – мелкий, хорошо просеянный… Если ничего не забывать, лет через десять-пятнадцать верхняя колба опустеет, нейронная масса в моей черепной коробке заполнится информацией под завязку, и тогда я свихнусь. Психиатрия и до чипов знавала подобные случаи.

Свихнусь, если вовремя не использую ластик.

Я вынул из холодного огня песочные часы. Пока что в верхней колбе находилось гораздо больше песка, чем в нижней. Жизнь была хороша: полтора года с чипом – не срок.

Убрать песочные часы и приготовить к работе записную книжку – потом перепишу разговор на диктофонную кассету. Спрятать и никому не показывать огненный шар. Что еще?

Постучать в калитку.

Отставной подполковник Шкрябун оказался плотным седеющим мужиком вовсе не дряхлого вида. Так выглядят служащие, только вчера ушедшие на пенсию и воображающие, будто теперь-то всласть займутся активным досугом, а кто-то там, наверху, презрительно кривится в ответ на их мечты и валит на бедолаг все подряд: орущих малолетних внуков и нечутких детей, непрополотые грядки, остеохондрозы и инсульты…

Кстати, грядки в огороде действительно нуждались в прополке, одни лишь ряды картошки были окучены на совесть. А траву перед домом здесь сроду никто не стриг.

Хозяин сидел под навесом вне дома и был занят. На застеленном газетой верстаке перед ним имел место разобранный мотоциклетный мотор, тут же поблизости находился и сам мотоцикл – видавший многие виды «Урал» с обшарпанной коляской. Вероятно, списанный милицейский. И коляска, и мотоцикл были основательно покрыты засохшей грязью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.